

Стенограмма заседания Комиссии по вопросам стратегии развития ТЭК и экологической безопасности - 26.08.13, Кемерово

Вступительное слово на заседании Комиссии по вопросам стратегии развития топливно-энергетического комплекса и экологической безопасности

В.ПУТИН: Добрый день, уважаемые коллеги!

Сегодня мы проводим первое выездное заседание Комиссии по вопросам стратегии развития топливно-энергетического комплекса. И то, что собрались именно в Кемерово, не случайно: нам предстоит обсудить ситуацию в угольной промышленности.

Кузбасс, как известно, исторически является её центром и флагманом. Полтора года назад здесь же, в Кемерово, – по-моему, как раз в этом зале – состоялось совещание, где мы подробно говорили о многих проблемах угольщиков. По его итогам была утверждена долгосрочная программа развития отрасли на период до 2030 года. Сегодня мы проанализируем, как исполняются принятые тогда решения.

Хочу, кстати, отметить, что в составе нашей Комиссии нет ни одного представителя угольной отрасли, и, безусловно, этот вопрос нужно решить. Вот Иван Иванович кивает головой, это правильно: что же у нас Комиссия по ТЭКу, угольная отрасль является одной из ключевых в энергетике – и ни одного представителя от угольщиков нет? Можно было бы посмотреть Бокарева, Зюзина, Рашевского, Байсарова. Давайте подумаем, и предложения, пожалуйста, внесите.

Начну с важнейшей темы – с процесса реструктуризации угольной промышленности. Только на реализацию социальных мероприятий начиная с 2008 года потребовалось более 33 миллиардов рублей федеральных средств, и они были выделены. Свыше 7 миллиардов было направлено на проведение рекультивации земель и на экологическое оздоровление территорий.

Я хотел бы подчеркнуть, средства будут выделяться и дальше. Важно усилить контроль за их целевым эффективным использованием. Приоритет здесь – переселение шахтёров из ветхого и аварийного жилья и из районов Крайнего Севера.

Хотел бы сразу обратить ваше внимание и на решение задач безопасности шахтёрского труда. Мы принимали специальные меры по созданию современных отечественных средств индивидуальной защиты и систем жизнеобеспечения людей, работающих под землёй. Хотелось бы услышать, что сделано. Вот мы сейчас с Аркадием Владимировичем обсуждали, да и с Игорем Ивановичем, пока сюда двигались; по-моему, там мало что сделано. Деньги-то выделены – миллиард, между прочим.

Теперь в целом о ситуации в отрасли. Отмечу хорошие показатели по итогам 2012 года. Выросли объёмы добычи, переработки, экспорта продукции. Вводятся новые производственные мощности. Объём экспорта вырос на 17 процентов. Это позволило увеличить добычу угля в целом.

Однако внутренний рынок при его огромном потенциале по-прежнему не развивается, хотя полтора года назад мы принимали решение о стимулировании наращивания внутреннего потребления угля и планировали сделать это за счёт развития угольной генерации в энергетике и в жилищно-коммунальном хозяйстве.

Кстати говоря, когда внешний рынок припадает, конечно, развитие внутреннего рынка сыграло бы свою исключительно положительную роль. И то, что, повторяю, он не развивается, стоит на месте, даже, более того, имеет, к сожалению, негативную динамику: вот у нас, смотрите, объём потребления угля на внутреннем рынке за последние пять лет на 7 процентов снизился, и, по предварительным оценкам, в 2013 году тенденция эта сохранится, а при нестабильности внешних рынков ситуация становится если не критической, то тревожной как минимум.

Конечно, нужно учитывать межтопливную конъюнктуру и межтопливную конкуренцию, но подходить к этим вопросам, безусловно, нужно очень прагматично. Для целого ряда регионов уголь является самым эффективным локальным видом топлива. Нужно ускорить строительство угольных энергогенерирующих мощностей на Дальнем Востоке. Кстати говоря, по этому вопросу тоже были соответствующие решения. Пока, к сожалению, серьёзного продвижения я не вижу.

Подчеркну также стратегическую важность создания электростанции в Калининградской области, она должна иметь перспективу манёвра мощностями. Именно угольная генерация может обеспечить снабжение этого региона собственной надёжной энергией.

Мы подробно, очень подробно с коллегами из Правительства на этот счёт говорили и уже не раз. Здесь возможны самые разные решения, самые разные: и сжиженный газ, и другие генерирующие мощности. Но угольную генерацию тоже не нужно сбрасывать со счетов, нужно обязательно это проработать, проработать все «за» и все «против», подойти к этому самым серьёзным образом, особенно на фоне обсуждения в ЕС возможного ограничения энергетического сотрудничества Европейского союза с Россией. Во всяком случае мы знаем о планах вывода Прибалтики из нашего энергетического кольца, а это соответствующим образом ставит в непростое положение Калининградскую область. Заранее нужно предпринимать необходимые действия.

Прошу Правительство, не откладывая, рассмотреть возможность строительства новых генерирующих мощностей, в том числе, может быть, и на угольных электростанциях. Нужно в вопросе этом поставить точку. Аркадий Владимирович, прошу не позднее чем в трёхмесячный срок вопрос окончательно доработать.

Мы имеем возможность поставлять уголь в Калининград через морской терминал. Создание такой замкнутой автономной системы в этом регионе значительно снизит геополитические риски в сфере энергетики, которые могут возникнуть в любое время. И, повторяю ещё раз, может быть, будет правильно, если мы диверсифицируем энергетическую отрасль этого региона, она не будет зависеть только от одного первичного источника. Во всяком случае нужно как следует всё это продумать.

Сегодня одно из самых слабых мест в технологической цепочке отрасли – переработка угля и его обогащение. Так, из более 272 миллионов тонн энергетического угля, добытого в прошлом году, переработано лишь 26 процентов.

Отдельное направление – это углехимия. Над её развитием нужно совместно поработать Минэнерго, Минпрому и, конечно, Академии наук Российской Федерации. И повторю, Правительству, заинтересованным ведомствам, угольным компаниям и регионам нужно обстоятельно заниматься формированием внутреннего рынка. Прошу вас сегодня в ходе нашей встречи ещё раз вернуться к этому вопросу.

Что касается экспорта угля, здесь надо крепко стоять на завоеванных позициях, несмотря на трудности, о которых вы знаете лучше, чем я, вызванные падением цен на мировых рынках. Если мы здесь дадим слабину, что-то утратим, потом вернуться на завоеванные площадки будет очень трудно, если вообще возможно. Необходимо в полной мере использовать все наши конкурентные преимущества. Обращаю внимание, что цены в среднем на внешних рынках упали где-то на 20 процентов.

Кузбасские угли, если говорить о преимуществах, намного превосходят другие по своим экологическим характеристикам, но их транспортировка по-прежнему является огромной проблемой. Для её решения необходимо развивать отечественное производство вагонов повышенной грузоподъёмности. И нужно, конечно, стимулировать этот рынок, рынок этой продукции, сделать его привлекательным для потенциальных потребителей и, конечно, уделять главное внимание модернизации транспортной инфраструктуры как железнодорожной, так и портовой. Мы уже наметили планы увеличения пропускной способности Транссиба и БАМа. Давайте посмотрим, какие ещё железнодорожные участки и подходы к портам требуют развития. Часть из них уже работают с превышением своих мощностей.

Отмечу также, что средняя скорость движения по нашим железным дорогам для промышленных грузов чрезвычайно низкая, наблюдается стабильный рост доли транспортных затрат в цене на угольную продукцию. Действующая система железнодорожных тарифов требует совершенствования, она должна быть предсказуемой, давать возможность потребителям прогнозировать свои транспортные расходы.

Кстати, железная дорога, которая сама является потребителем энергии – и значительным потребителем, могла бы за счёт угольной генерации снижать тарифы. Я не знаю, это, конечно, требует проработки, но во всяком случае можно подумать, хотя бы подумать, я прошу коллег это сделать. Вот доставка угля, скажем, генерирующим станциям, которые работают на углях, а потом сама же дорога потребляет эту энергию – давайте подумаем над этими тарифами.

Для компаний, которые сами строят участки, это следующая тема, сами строят участки железных дорог общего пользования, необходимо проработать модели гибких тарифных договорённостей. Если есть инвестор, который построил участок железной дороги, а потом он должен платить как все, – где стимул для инвестиций? Надо над этим серьёзно подумать. Здесь нет ничего запредельного, ничего антирыночного.

Кстати говоря, это в равной мере относится и к другим структурным нашим монополиям: это касается не только железной дороги, это касается и трубопроводного транспорта, и электросетей. В целом необходимо переходить к долгосрочному тарифному регулированию в области грузовых железнодорожных перевозок. Подчеркну, что мы должны поддерживать угольные компании, которые вкладывают немалые средства в развитие железнодорожной и портовой инфраструктуры.

Хочу также обратить ваше внимание на следующее. Поскольку ресурсная база наших угольных компаний находится в России, то и центры формирования прибыли, а следовательно, налогообложения должны находиться именно в России, а не где-то за границей и в офшорах. Я хочу обратить ваше внимание на то, что не только российское руководство или российское Правительство ставят вопрос подобным образом, – во всём мире, я хочу это подчеркнуть, во всех промышленно развитых странах вопрос ставится именно таким образом – и никак по-другому. В мире уже сформирован цивилизованный и прагматичный подход, налоги платятся на месте фактического ведения бизнеса. Я предлагаю придерживаться именно такого правила, тем более если это связано с недрами, с нашим национальным богатством. И управление этими активами, и акционерная собственность должны находиться в нашей, в российской юрисдикции.

Далее. Предприятия угольной отрасли развиваются за счёт собственных средств, и перед ними стоят задачи модернизации производства, создания новых добывающих и перерабатывающих мощностей. Сейчас необходимы дополнительные стимулы, которые бы помогли компаниям наращивать инвестиции, снижать свои издержки.

Поддержка угольного бизнеса должна способствовать созданию новых рабочих мест, увеличению налоговых поступлений в бюджет, большей открытости компаний. В течение пяти лет обсуждается вопрос об освобождении от уплаты налога на добычу полезных ископаемых для предприятий, осваивающих

угольные низкорентабельные месторождения в труднодоступных районах с неразвитой инфраструктурой. Я прошу Правительство обеспечить принятие стимулирующей меры для компаний, разрабатывающих такие новые месторождения, хотя бы новые.

Мы много раз говорим о таких крайне необходимых наших действиях применительно к разным отраслям, и угольная промышленность здесь не исключение. Это, по сути, предприятия, которые в зелёном поле начинают работать. Не было никогда у нас всех налогов – если не будет стимулов для начала деятельности, то и не будет. Поэтому я прошу экономический блок Правительства и Минфин соответствующим образом оценить эту ситуацию и найти общий системный подход к проблемам подобного рода.

Нужно, конечно, освобождать такие предприятия, которые начинают свою деятельность с нуля, на какое-то время, здесь есть разные предложения: и пять, и даже десять лет. Это всё требует расчётов. Но их нужно сделать, и нужно принять решение. Практика показывает, что пройдут годы, прежде чем компании смогут воспользоваться такой преференцией, не менее двух лет, – вот на сегодняшний день, к сожалению, им приходится собирать различные справки.

И в этой связи хотел бы ещё раз обратить на это внимание, нужно вот с этим избыточным бюрократизмом заканчивать, иначе мы надолго завязнем в реализации проектов освоения новых месторождений на территориях Восточной Сибири, на Дальнем Востоке и крупных месторождений, скажем, в Тыве. Считаю, что Минприроды нужно максимально расширить содержание лицензий, чтобы предприятия не теряли времени на сбор необходимых документов, нужно сделать оптимальной эту работу.

Обозначенные проблемы говорят о необходимости ещё раз проанализировать, уже сейчас откорректировать положения долгосрочной программы развития отрасли. Нужно посмотреть, насколько актуальны и реализуемы закреплённые в ней показатели и целевые индикаторы, и провести их, эти корректировки, в соответствии с тенденциями на внутреннем и на глобальном рынках, а также синхронизировать реализацию программы с мероприятиями, предусмотренными Генеральной схемой развития объектов электроэнергетики, проектами транспортной стратегии и стратегии развития портовой инфраструктуры. У нас есть вице-премьер, который за весь этот комплекс отвечает, – Аркадий Владимирович, обращаю на это Ваше внимание. Это большая, конечно, просто огромная работа, но Ваша задача заключается в том, чтобы скоординировать все эти направления. Нужно это делать.

Нам также необходимо подробно обсудить, как идёт процесс ценообразования в угольной отрасли и какие факторы влияют на подчас неоправданное завышение цен для конечных потребителей. В соответствии с принятыми решениями сейчас все сделки по реализации угольной продукции регистрируются на бирже. Но это только первый шаг. Регистрация сделок – это хорошо, но недостаточно. Теперь важно расширить использование самих биржевых механизмов, нужно начать наконец реальные торги на бирже.

Необходимо также создать условия для исключения необоснованных посредников при поставках угольной продукции, особенно при поставках для государственных нужд и компаний с государственным участием. В рыночной экономике посредники – это естественное дело, но также естественно возникают подчас эти посредники там, где они совсем не нужны.

В заключение предлагаю вернуться к вопросу, который мы уже частично затрагивали на нашей Комиссии в октябре прошлого года. Речь об обеспечении угольной промышленности профессионалами высокого или высшего класса. Прошу представить предложения о перспективах создания крупных региональных учебно-научных центров на базе действующих вузов горно-геологической и топливно-энергетической сфер.

Кроме того, в нашей повестке сегодня, уважаемые коллеги, ставший уже традиционным вопрос исполнения решений, принятых Комиссией на предыдущих заседаниях.

Давайте начнём работать.

А.НОВАК: Уважаемый Владимир Владимирович!

Уважаемые коллеги и участники заседания!

Хотел бы отметить, что угольная промышленность вступила в новую фазу своего развития. Реструктуризация отрасли, которая была начата в 1993 году, 20 лет назад, в основном завершена, хотя программа продолжает действовать и не закончена. Владимир Владимирович сказал в своем вступительном слове, что деньги и дальше будут выделяться на продолжение реструктуризации, тем не менее фокус управленческих усилий, на наш взгляд, постепенно смещается сегодня уже от решения социальных вопросов реструктуризации к стимулированию экономической эффективности и к созданию условий для повышения конкурентоспособности, улучшения качества, ассортимента продукции, роста вклада в валовой внутренний продукт, безусловно, не забывая и о социальных аспектах.

В новом качестве угольная промышленность может стать одним из главных драйверов экономического развития восточных регионов России, помочь диверсифицировать экспорт, обеспечить науку и машиностроение заказами. Сегодня Россия является третьей страной в мире по экспорту угля, и экспорт составляет 131 миллион тонн. Конечно, это накладывает особые условия работы на угольные предприятия как экспортно-ориентированные во многом. В частности, это работа в жесточайших условиях конкуренции, волатильности цен. И на все эти риски необходимо сегодня адекватно отвечать.

Уважаемый Владимир Владимирович!

Решению проблем угольной отрасли Вами лично, Правительством постоянно уделяется особое внимание. Как Вы уже отметили, полтора года назад была утверждена долгосрочная программа развития угольной отрасли на период до 2030 года. Я напому ее основные ориентиры.

В первую очередь это увеличение объемов добычи угля до 430 миллионов тонн к 2030 году, то есть прирост около 100 миллионов тонн, удовлетворение потребностей внутреннего рынка и наращивание экспорта до 170 миллионов тонн к 2030 году.

Второе – это ускоренное развитие угольной промышленности на востоке страны с целью приближения производителей к основным рынкам сбыта, рост объемов глубокой переработки, рост производительности труда, усиление промышленной и экологической безопасности.

Программа реализуется уже полтора года, и сегодня мы можем подвести некоторые промежуточные итоги. Прежде всего не могу не отметить впечатляющую динамику производственных показателей. Вы также уже сказали об этом, что добыча в прошлом году значительно выросла – на 18,3 миллиона тонн. И вместе с ней на 10 процентов выросли объемы переработки угля – почти 140 миллионов тонн.

Основным драйвером в угольной отрасли сегодня является увеличение экспорта угля. Более трети доли российского угля было поставлено на экспорт, который за прошлый год вырос на 18 процентов преимущественно, конечно же, в восточном направлении – с 17 миллионов тонн до 49 миллионов тонн.

По сути, это рекордные показатели в новейшей истории России. Надо отметить, что около 70 процентов добычи угля в стране обеспечивают 10 крупных вертикально интегрированных компаний, которые объединяют в себе как добывающие, так и перерабатывающие, транспортные предприятия, объекты теплоэлектрогенерации, коксохимические и металлургические предприятия.

Как и предусмотрено стратегией, рост добычи обеспечили в первую очередь предприятия отрасли, которые находятся в восточных регионах страны. В основном это рост добычи в Кузнецком, Южно-Якутском, Иркутском и Печорском бассейнах, также в Хакасии, в Забайкалье, в Хабаровском крае, Амурской и Сахалинской областях. В прошлом году были сокращены объемы добычи в Канско-Ачинском бассейне, на Урале, в Подмосковном и Донецком бассейнах. При этом, безусловно, основным угледобывающим регионом по-прежнему остается Кузбасс – около 57 процентов добычи.

Рост объемов производства и переработки угля достигнуты за счет модернизации ввода новых мощностей и роста производительности труда. Ежегодно в отрасли вводится более 20 миллионов тонн современных высокоэффективных мощностей по добыче угля и выбывает около 7 миллионов тонн неэффективных, то есть прирост высокоэффективных – около 13 миллионов тонн мощностей.

В настоящее время суммарная годовая мощность по добыче угля превышает 410 миллионов тонн, в том числе более 310 миллионов – это по добыче энергетических, и около 100 миллионов тонн коксующихся углей.

Хотел бы отметить отдельно, что в 2012 году было введено в эксплуатацию два разреза и три обогатительных фабрики. Всего общий объем инвестиций составил 117 миллиардов рублей, это тоже рекордный показатель в новейшей истории России.

Особо важный показатель, который был обозначен в программе, – это рост производительности труда. За четыре года производительность труда выросла на 25 процентов. Это очень высокий показатель даже по сравнению с другими отраслями.

Основной ввод мощностей приходится на открытый способ, доля его в общей добыче угля превысила уже 70 процентов, а доля шахт с прогрессивными технологиями, работающими по системе «шахта-лава», увеличилась с 50 процентов в 2008 году до 65 процентов в 2012 году. Это все показатели, которые также были предусмотрены как направления развития угольной отрасли в программе. Также растут мощности по переработке угля, сегодня они приближаются уже к 190 миллионам тонн.

За последние 10 лет было введено 20 новых обогатительных фабрик и установок, из них 11 энергетических с суммарной мощностью 27,5 миллиона тонн, фактически это фабрики нового поколения. И за четыре последних года, как показано на слайде, объем инвестиций в основной капитал угольных предприятий вырос в два раза. К сожалению, в этом году эта тенденция несколько хуже, мы ожидаем снижения объема инвестиций, об этом я скажу позже.

Что касается структуры потребления и поставок угля, мы отмечаем следующие тенденции (это слайд номер четыре). В этом году, в 2013 году, также на экспорт будет поставлено больше угля, чем в прошлом году, – около 132 миллионов тонн, на внутренний рынок всего 181 миллион тонн. К сожалению, эта тенденция по снижению доли потребления на внутреннем рынке устойчивая, она уже идет около 25 лет, с 1988 года. На электростанциях, в жилищно-коммунальном хозяйстве, в агропромышленном комплексе потребление угля сократилось за этот период в полтора раза, а в металлургии – почти на 40 процентов.

Основная причина сокращения доли потребления угля на внутреннем рынке – это его низкая конкурентоспособность по сравнению с газом. Сегодня газ по экономическим, экологическим и технологическим причинам – более эффективный вид топлива. Объективно уголь может быть конкурентоспособным, но лишь при условии значительного удорожания газа либо значительного удешевления непосредственно самого угля. То есть должно быть соотношение между ценой на газ и углем, для конкурентоспособности угля в электроэнергетике – уголь должен быть в 2,5 раза дешевле, в цементной промышленности – в 1,5 раза. Год назад такой коэффициент составлял 1,3, в этом году коэффициент – 1,5, то есть еще не достигнуто соответствующее соотношение, которое стимулирует развитие угольной генерации.

С учетом повышения цен на газ опережающими темпами в последние несколько лет этот коэффициент увеличился, как я уже сказал. Могу сказать, что решения, которые мы сегодня прорабатываем, объективно приведут к снижению конкурентоспособности угля. Тем не менее хочу особо подчеркнуть, что потребности страны в угольной продукции для обеспечения электростанций, металлургических предприятий, коммунально-бытовых нужд и населения на сегодня удовлетворяются полностью. Несмотря на то, что основным драйвером развития отрасли является экспорт, я считаю, что исчерпаны еще не все возможности по развитию внутреннего рынка потребления угля, в частности, развитию внутреннего рынка может способствовать расширение использования угля в местах его добычи путем создания угольно-энергетических кластеров. Мы о них уже говорили. В этих кластерах могут применяться ресурсосберегающие технологии добычи, технологии глубокой переработки угля с получением как электроэнергии, так и тепла, продуктов полукочкования, синтез газа, других продуктов газификации и углехимии, вплоть до синтетического жидкого топлива.

В России активные исследования по проблеме синтетического жидкого топлива из угля проводятся Южно-Российским государственным университетом, Иркутским государственным университетом, Российской академией наук. На сегодняшний день процессы производства синтетического жидкого топлива из угля, к сожалению, пока более энергоемкие и сопровождаются большими выходами углекислого газа и потреблением воды, поэтому сейчас ведется активный поиск новых конкурентоспособных технических решений в области синтетического жидкого топлива. Думаю, Владимир Владимирович, что сегодня Ваши поручения о развитии потребления, развитии более глубокой переработки углехимии будут дополнительным стимулом для того, чтобы разработать и выполнить Вашу задачу по разработке соответствующей программы.

Также в жилищно-коммунальном хозяйстве мы видим достаточный потенциал для использования угля, в том числе путем модернизации оборудования на местных неэффективных котельных и теплоэлектростанциях, использующих мазут, для перевода теплостанций на использование обогащенного стандартизированного угля. Со своей стороны Министерство энергетики, имея ресурсы по стимулированию повышения энергоэффективности, могло бы этот процесс стимулировать путем выделения субсидий регионам, которые переводили бы котельные, использующие мазут, на уголь.

Кроме этого, в соответствии с программой развития электроэнергетики до 2015 года предусмотрено увеличение угольной генерации на 2,7 гигаватта. Это также даст дополнительный спрос на энергетический уголь, на развитие угольной генерации.

Особо хочу отметить, в соответствии с Вашим поручением будет рассмотрен вопрос по энергообеспечению Калининградской области. Одним из вариантов решения является создание угольной генерации. Действительно, мы должны к этому комплексно подойти и максимально диверсифицировать топливные источники для развития генерации в Калининградской области для надежного энергоснабжения.

В соответствии с Генеральной схемой размещения объектов электроэнергетики мы видим, что прогнозируемый объем потребления российского угля тепловыми станциями до 2030 года будет увеличен на 20 миллионов тонн, со 100 миллионов сегодняшних до 120 миллионов. Существует большой потенциал роста спроса на уголь при производстве цемента и внедрении сухого способа в его производство. По оценке экспертов потенциал роста спроса на уголь может составить дополнительно также около 20 миллионов тонн к 2030 году.

Отдельно хотел бы затронуть вопрос импорта угля. Сегодня мы импортируем почти 30 миллионов тонн экибастузского угля, то есть фактически более 80 процентов от всего импорта. При этом новые блоки на этих станциях проектируются уже и строятся с ориентацией на кузбасский уголь. Это тоже может стать отдельным драйвером по увеличению объемов потребления российского угля на предприятиях, которые могут модернизироваться под российский уголь. И это нужно стимулировать.

На слайде номер пять показаны уже реализуемые новые крупные проекты по созданию угольно-энергетических комплексов, как я уже сказал, в Якутии, в Забайкалье, в Тыве, в Хабаровском крае, в Амурской области и на Сахалине. Не буду перечислять названия этих месторождений, они есть на слайде. Хочу отметить, что к 2030 году здесь будет добываться более 100 миллионов тонн угля, в том числе 60 миллионов тонн коксующегося. Реализация данных проектов позволит создать не только предприятия по добыче и обогащению угля, но и создать в этих местах угольную генерацию.

Примерно на 350 мегаватт уже принято решение о строительстве угольной генерации, это ТЭЦ в городе Советская Гавань, Сахалинская ГРЭС-2, Благовещенская ТЭЦ-2. К 2030 году проекты, которые будут предусмотрены сегодня государственной программой социально-экономического развития Дальнего Востока, обеспечат ввод в эксплуатацию около 12 тысяч мегаватт мощностей угольной генерации.

Уважаемый Владимир Владимирович!

Я хотел бы также затронуть вопрос предоставления налоговых льгот для угольных предприятий. Хочу поблагодарить Вас за то решение, которое Вы озвучили в начале сегодняшнего совещания, поскольку действительно этот вопрос давно уже обсуждается. К сожалению, пока он не решен. Фактически на сегодняшний день это общие меры стимулирования, которые касаются отраслей, в том числе и нефтегазового комплекса, когда мы на востоке страны при отсутствии инфраструктуры для новых месторождений создаем условия за счет более льготного налогообложения для развития новых месторождений и развития инфраструктуры. И по угольной отрасли, безусловно, угольные компании нуждаются в этом, на наш взгляд, подобные льготы возможно им предоставить в целях стимулирования освоения новых месторождений.

Освоение, на наш взгляд, месторождений на востоке существенно улучшит экономику поставок угля на экспорт и повысит конкурентоспособность наших предприятий за счет снижения в первую очередь транспортного плеча, себестоимость угля значительно снизится. Не секрет, что сейчас транспортное плечо для кузбасского угля составляет от 4 до 6 тысяч километров, а для угольных проектов Восточной Сибири и на Дальнем Востоке оно будет в несколько раз меньше.

Также хотел бы отдельно остановиться на изменении структуры добычи экспорта угля. На мой взгляд, это ключевое изменение в стратегии развития угольной отрасли. Развитие тех проектов, которые были мною названы, существенно изменит структуру добычи и экспорта угля.

По добыче. При общем росте на 75 миллионов тонн добыча энергетического угля увеличится незначительно, а коксующегося возрастет на 70 миллионов тонн. То есть фактически 90 процентов прироста будет коксующийся уголь. Соответственно, при росте импорта на 40 миллионов доля коксующегося угля – 30 миллионов тонн. Такая структура экспорта позволит существенно улучшить конкурентоспособность российского угля, поскольку коксующийся уголь более конкурентоспособен. Важно также, что в соответствии с планами развития отрасли в новых центрах добычи будет производиться около 200 миллионов тонн угля, из которых на экспорт будет направлено 95 миллионов тонн. То есть фактически центры добычи будут приближены к центрам потребления.

Важный момент, касающийся возможности развития угольной отрасли, – это ликвидация узких мест в транспортной инфраструктуре. Я хотел бы также поблагодарить за те решения, которые были приняты, о выделении дополнительных ресурсов из средств федерального бюджета, из средств «РЖД» и из Фонда национального благосостояния, для того чтобы обеспечить расшивку узких мест, о которых угольные компании в последние годы часто говорили как об одном из важных препятствий для развития отрасли.

В настоящее время «РЖД» проводит с Министерством энергетики работу, связанную с обеспечением энергоснабжения реконструируемых участков и усилением пропускной способности Байкало-Амурской магистрали и Транссибирской магистрали.

Что касается развития портовых мощностей по перевалке угля, это тоже ранее было одним из узких мест для развития экспорта российского угля. Сегодня продолжается развитие портовых мощностей, и государственной программой развития транспортной системы предусматривается увеличение мощностей и оптимальную специализацию морских портов. Целевая модель – это переключение угольных грузов с иностранных на российские порты и обеспечение возможностей растущего экспорта. С вводом крупных портовых комплексов на западе и юге России сократятся экспортные потоки российского угля через страны-транзитеры, в основном это порты Балтии и Украины. Целевая модель – снижение объемов перевалки в странах-транзитерах в два раза и загрузка, соответственно, мощностей российских портов. К 2030 году намечается довести мощности по перевалке угля не менее чем до 152 миллионов тонн. Это позволит полностью обеспечить объемы экспорта угля, которые предусмотрены программой.

Также тесно связаны с перспективами развития отрасли вопросы недропользования. И здесь я хотел бы отметить, что на сегодня отрасль не испытывает фактически недостатка в запасах угля для потребления на внутреннем рынке и на экспорт, в основном их хватит уже по существующим запасам на период от 40 до 100 лет. Стабильно растут запасы угля за счет проведения геологоразведочных работ.

Во исполнение Вашего поручения, Владимир Владимирович, разработана и реализуется программа лицензирования угольных месторождений до 2015 года. Она предусматривает восполнение в первую очередь запасов дефицитных марок угля с учетом их транспортной доступности. Эта программа предусматривает, конечно же, в первую очередь приоритетность развития угледобычи в восточных регионах страны.

Также хотел бы несколько слов сказать касательно комплекса мер по обеспечению промышленной и экологической безопасности. Правительством и федеральными органами власти за последние годы разработано и принято большое количество нормативно-правовых актов, в том числе 12 федеральных законов. Хотел бы отметить, что в последние годы организована достаточно системная работа, реализуется программа по обеспечению дальнейшего улучшения условий труда, повышения безопасности в ведении горных работ, снижение аварийности, травматизма в угольной отрасли. Предусмотренные программой мероприятия выполняется, из 49 запланированных 36 уже выполнены, остальные находятся в стадии выполнения. Также осуществляется комплекс мероприятий по развитию трудовых отношений, в частности, создано объединение работодателей, действует федеральное отраслевое соглашение по угольной промышленности, увеличена условная постоянная часть заработной платы из 45 до 70 процентов, приняты другие меры.

Совершенствуется система профессиональной подготовки кадров, и одно из наиболее перспективных направлений – это формирование системы региональных минерально-сырьевых университетов. Сегодня создан уже, в частности, Санкт-Петербургский Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», аналогичные университеты предлагается создать на базе Московского и Уральского государственных горных университетов и Кузбасского государственного технологического университета. Кроме этого, компаниями также созданы корпоративные системы подготовки и повышения квалификации кадров, а в 2013 году и в 2014 году на базе объединения работодателей угольной промышленности будут созданы профессиональные стандарты.

В целом можно отметить, что за прошедшие полтора года реализации долгосрочной программы стратегические ориентиры по добыче и производительности труда, которая с 2008 года выросла на 25 процентов, превышены, и в 2012 году произошло серьезное снижение травматизма в отрасли.

Единственное, что вызывает на сегодня опасение и тревогу, это рентабельность активов. И действительно, за последний год отношение чистой прибыли к стоимости активов существенно снизилось, а в 2013 году мы наблюдаем, что прибыль до налогообложения угольных компаний фактически сведена к нулю, хотя ранее, обычно в предыдущие годы прибыль до налогообложения составляла от 70 до 130 миллиардов рублей в год. И, конечно же, основными причинами здесь являются падение цен на мировом рынке и опережающий рост затрат на производство и транспортировку угля, которые приводят к ухудшению финансово-экономических показателей.

Доля транспортных расходов сегодня фактически составляет по разным направлениям от 50 до 55 процентов при реализации продукции на экспорт. Мы считаем, конечно же, целесообразным, обсуждали это и с представителями угольных компаний, перейти на долгосрочное тарифное регулирование в сфере грузовых железнодорожных перевозок и на формирование действующих тарифов на перевозку угля железнодорожным транспортом с учетом конъюнктуры мирового рынка, то есть на формирование так называемого гибкого тарифа в экспортных направлениях, который бы способствовал обеспечению конкурентоспособности российского угля по сравнению с другими странами-конкурентами.

Также считаю, что сегодня в условиях снижения цен на продукцию угольной отрасли для реализации проектов, о которых я говорил ранее, требуется финансово-кредитная поддержка реализации инвестиционных проектов. И здесь решение возможно за счет использования накопительной части пенсионных фондов, Фонда национального благосостояния.

Как Вы уже сказали, Владимир Владимирович, в целях улучшения финансово-экономического состояния компаниям необходимо обратить особое внимание на возможность дополнительного снижения издержек и сдерживание цен через отказ от экономически необоснованного использования посредников, как на внутреннем, так и на внешнем рынке, а также отказ от трансфертного ценообразования.

Угольным компаниям следует использовать, по нашему мнению, механизмы раскрытия отчетности по международным стандартам и распространение на них принципа консолидированного налогоплательщика. Это будет являться ключевым механизмом повышения прозрачности финансово-хозяйственной деятельности крупных угольных промышленных холдингов и их торговых домов.

Буквально несколько слов о тех вызовах, которые стоят сегодня перед отраслью на внешних рынках. Хочу отметить, что, по данным Международного энергетического агентства, в ближайшие 20-25 лет уголь останется вторым по значимости топливно-энергетическим ресурсом после нефти. И хотя его доля в мировом потреблении энергии будет падать с 23 процентов до 18 (по оценкам, как я уже сказал, Международного энергетического агентства) в мировом энергопотреблении, тем не менее с учетом общего роста энергопотребления объем спроса будет расти примерно на 0,8 процента в год. Соответственно, мы ожидаем, что мировое производство за период до 2030 года увеличится где-то в пределах 1,5-3 миллиардов тонн в год.

Существуют, безусловно, стратегические риски и угрозы для устойчивого функционирования и развития российской угольной отрасли. На внешнем рынке, как я уже отмечал, это снижение мировых цен на первичные энергоресурсы. Российский энергетический уголь тем не менее является одним из наиболее затратных по сравнению с основными экспортными. При снижении цен снижается конкурентоспособность российской продукции.

Второе – это обострение конкуренции на традиционных рынках сбыта российского угля в первую очередь за счет добычи сланцевого газа, вытеснения угля из Соединенных Штатов Америки на традиционные рынки, за счет увеличения объемов добычи и экспорта угля традиционными странами-экспортерами. В частности, ожидается, что уже к 2015 году где-то на 80 процентов возрастут по сравнению с 2008 годом поставки энергетического угля из Австралии и на две трети примерно из Индонезии.

По базовому сценарию Международного энергетического агентства, объем мировой торговли углем возрастет за ближайшие 30 лет примерно на 600 миллионов тонн. Безусловно, на эти 600 миллионов тонн будет большая конкуренция по поставкам на экспорт.

Поэтому, подводя итог сказанному, хотел бы отметить, что те предусмотренные в целом решения, которые заложены в долгосрочной программе развития угольной отрасли, направлены в первую очередь на повышение конкурентоспособности российской угольной промышленности. Хотел бы резюмировать, что, мы видим, первое – стимулирование внутреннего рынка потребления, расширение использования угольной продукции в различных отраслях экономики, в том числе в жилищно-коммунальном хозяйстве, электроэнергетике, в цементной промышленности, в развитии углехимии, металлургии.

Второе большое направление – создание условий увеличения экспорта. Я сказал о модернизации железнодорожной и портовой инфраструктуры, необходимости долгосрочного тарифа, учитывающего конъюнктуру цен на железнодорожные перевозки, и преференции для освоения новых месторождений центра угледобычи на Дальнем Востоке за счет льгот по налогу на добычу полезных ископаемых и за счет кредитной поддержки.

И отдельные локальные задачи, касающиеся завершения реструктуризации угольной промышленности, в основном это ликвидация последствий ведения горных работ и создание планомерного выбытия мощностей, которые сегодня являются неэффективными, путем внесения необходимых изменений в закон о банкротстве.

Спасибо за внимание.

В.ПУТИН: Спасибо, Александр Валентинович.

Мы послушали доклад Министра о состоянии отрасли в целом. Мы, конечно, сейчас вернемся к обсуждению.

Александр Валентинович говорил в том числе в завершение о развитии этой отрасли в восточных регионах страны. У нас на связи наши коллеги, которые находятся на своих предприятиях как раз на востоке: в Бурятии, Якутии, Тыве. Давайте их послушаем.

Хочу предоставить слово Кулецкому Валерию Николаевичу, «Разрез Тугнуйский».

Пожалуйста.

В.КУЛЕЦКИЙ (в режиме телемоста): На связи «Разрез Тугнуйский», Республика Бурятия.

Владимир Владимирович, добрый вечер!

Разрешите поприветствовать Вас от имени всего коллектива «Разреза Тугнуйского» Сибирской угольной энергетической компании.

Наш разрез расположен в двух регионах: Республике Бурятия и Забайкальском крае, – и разрабатывает Олонь-Шибирское каменноугольное месторождение.

На сегодня разрез самое крупное предприятие по добыче угля в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Наш уголь в основном поставляется на экспорт в Японию, Корею, Китай и другие страны Азиатско-Тихоокеанского региона.

За последние годы компания «СУЭК» инвестировала в наше предприятие более 8 миллиардов рублей. Благодаря самой современной технике мировых фирм, грамотным организационным инженерным решениям за три года добыча возросла в 2,5 раза и составила 12,5 миллионов тонн в прошлом году. Производительность труда на предприятии выросла в три раза. И сегодня мы находимся на уровне передовых иностранных компаний. Достигнуты огромные масштабы в ведении горных работ. Годовая производительность разреза – 60 миллионов кубометров, это более 100 миллионов тонн выемки вскрышных пород.

Также построена современная обогатительная фабрика с мощностью переработки более 10 миллионов тонн угля. Идет развитие собственной железнодорожной инфраструктуры. На сегодня у нас 80 километров железнодорожных путей.

Приоритетное внимание мы уделяем операционной эффективности и производительности труда. Только в этом году на предприятии установлено четыре мировых рекорда по производительности на разных видах техники. Рекорды подтверждаются заводами-изготовителями.

Сейчас у нас за спиной видна работа экскаватора Bucyrus 495HD, ковш которого – 41 метр кубической горной породы, это где-то около 100 тонн. Наши горняки на этом экскаваторе дважды установили мировые рекорды при погрузке вскрышных пород в автотранспорт. Это свыше 2 миллионов кубометров вскрыши, в 1,5 раза больше, чем проектная производительность, заявленная заводом-изготовителем.

В этом году мы также приступили к разработке совершенно нового месторождения – «Никольского». Запасы его составляют около 300 миллионов тонн. Первые 250 тысяч планируем дать в этом году, а в перспективе построить современное угольное предприятие с объемом 8-10 миллионов. Так что перспективы у нас серьезные и далекие.

Все, Владимир Владимирович.

В.ПУТИН: Спасибо большое. Благодарю Вас и желаю вам успехов. Спасибо, Валерий Николаевич.

В.КУЛЕЦКИЙ: Спасибо.

В.ПУТИН: И всем Вашим коллегам успехов.

Пожалуйста, Хафизов Игорь Валерьевич, «Якутуголь».

И.ХАФИЗОВ (в режиме телемоста): Добрый вечер, уважаемый Владимир Владимирович!

Уважаемые участники совещания!

Мы очень внимательно слушали Ваш доклад, Владимир Владимирович. Вы очень четко расставили акценты и задали вектор развития угольной промышленности России. Я бы хотел на примере нашей компании, нашего проекта проинформировать Вас о ходе развития и строительства Эльгинского угольного комплекса и, наверное, сказать, что мы идем в ногу со временем и с теми задачами, которые Вы ставите.

Несколько слов об уникальности нашего проекта. В первую очередь это, конечно, 2 миллиарда коксующихся марок углей. Причем это марка «Ж», самая дефицитная марка России и мира. Это открытый способ добычи угля, в первую очередь это безопасность, это экономика, это очень хорошая логистика и это транспортные инфраструктуры, потому что рядом с нами рынки сбыта Азиатско-Тихоокеанского региона, а также портовые мощности, которые имеет наша компания.

Во время предыдущего телемоста, который был в августе 2012 года в День шахтера, мы Вам говорили о ключевых моментах строительства. Мы соединили Байкало-Амурскую магистраль и Эльгинское месторождение. В тяжелейших климатических условиях, горно-геологических условиях мы прошли становой хребет, построили 321 километр железнодорожного полотна, 370 гидротехнических сооружений, больше 70 мостов. Мы запустили в эксплуатацию Эльгинский разрез, вывезли первые 10 миллионов горной массы, и уже пошла первая добыча угля. Сегодня мы уже можем смело сказать, что по нашей железной дороге пошла первая продукция, угольная продукция – это энергетический уголь на подстанции Дальнего Востока. Сегодня компанией «Мечел» принято решение о безвозмездном выделении 10 тысяч тонн угля пострадавшим жителям Амурской области и Дальнего Востока.

Хотелось бы также отметить, что в этом году основной момент – это строительство нашей красавицы – угольной фабрики, которая на заднем плане. Мы уже видим первый коксовый концентрат, который пойдет также на наши коксохимические, металлургические предприятия России. А вообще в целом нами освоено уже 70 миллиардов рублей, и можно сегодня с уверенностью заявить, что на карте России у нас уже появилось новое угольное месторождение, новый угольный комплекс.

Я думаю, что впереди у нас огромные задачи. Мы выйдем согласно проекту на 30 миллионов добычи угля, на 30 миллионов обогащения, то есть у нас будет еще три фабрики по 9 миллионов переработки. Конечно, это уникально, это очень здорово.

Пользуясь случаем, хотел бы поприветствовать и выразить слова признательности Владимиру Ивановичу Якунину, который посетил нас в прошлом году, дал высокую оценку нашему труду. Мы совместно решили вопросы примыкания нашей железной дороги с Транссибом.

И конечно, хотел бы выразить особую признательность и благодарность за государственную поддержку в первую очередь в Вашем лице, в лице Правительства, Внешэкономбанка. Сегодня мы подписали кредитное соглашение на выделение кредита в 150 миллионов долларов, которые позволят нам решить те задачи, о которых я говорил выше.

Владимир Владимирович, позвольте Вас еще раз пригласить к нам в гости. Мы уже дважды общались по телемосту, это здорово, не каждому дано с Президентом России разговаривать ежегодно. Но, конечно, хотелось бы Вас увидеть, чтобы Вы приехали, оценили масштабы и посмотрели.

Спасибо Вам за внимание.

В.ПУТИН: Спасибо.

Игорь Валерьевич упомянул о Дне шахтёра, он как раз вчера был, и я от души поздравляю всех шахтёров, горняков с профессиональным праздником. Желаю успехов, счастья и новых достижений, а они у нас есть в отрасли, Министр об этом сказал, и факты об этом говорят.

Действительно, у нас объём добычи, это правда, самый большой за весь новейший период, да, наверное, и в советское время; по уровню производительности мы уже продвинулись достаточно далеко по сравнению даже с советским временем.

Идёт обновление производства, и кадры новые приходят. Мы, конечно, будем обсуждать и дальше все эти вопросы и проблемные точки, их ещё очень много в отрасли. Но праздник есть праздник, я всех поздравляю, желаю успехов.

Это очень важная, нужная для страны работа, и, без всякого преувеличения, она не только связана с большими трудовыми затратами – связана ещё и с большим риском, к сожалению. И люди, которые в эту отрасль приходят и посвящают ей свою жизнь, заслуживают особого внимания и особого уважения.

С праздником! Желаю вам всего самого доброго.

Пожалуйста, Руслан Сулимович, Тыва, «Тувинская энергетическая промышленная корпорация».

Р.БАЙСАРОВ *(в режиме телемоста):* Добрый вечер, Владимир Владимирович.

Байсаров Руслан Сулимович, генеральный директор «Тувинской энергетической промышленной корпорации».

Мы с Вами находимся на Элегестском угольном месторождении, Республика Тыва. Здесь у нас, на месте, сейчас начата работа по вскрышным работам. За нашей спиной (не знаю, видно или нет, чуть темновато) большое скопление техники. Мы сегодня целый день работаем. Это довольно-таки интересный и тяжелый труд. Это первое.

Второе. Я хочу обратить ваше внимание, что здесь, на этой земле, довольно сложные и суровые климатические условия. С учетом этих условий нами принято решение проложить тоннель под рекой Енисей на правый берег Енисея с целью производства обогащения нашего угля. Это довольно сложный процесс, очень тяжелый, но мы с экологической точки зрения пошли на это. Конечно, это дороже нам обходится, но мы вынуждены идти на этот шаг.

Всего разведанных запасов в Республике Тыва около 20 миллиардов, это одно из самых крупных хранилищ на территории России и в мире. Вами принято решение о строительстве железной дороги Элегест–Кызыл–Курагино, которая является стратегически важной для нас: и для Тывы, и для России.

Следом за этим мы планируем (после обогащения нашего угля) наш концентрат отправлять по железной дороге Элегест–Кызыл–Курагино через Саянский хребет далее на Транссибирскую и Байкало-Амурскую магистраль, на Дальний Восток. На Дальнем Востоке мы уже начали строительство глубоководного порта с целью экспорта нашего коксующегося угля, высококачественного коксующегося угля, как мы знаем. Россия получит дополнительные ворота для стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

И еще небольшое наше решение, очень важное для Республики Тыва. Нами принято решение о строительстве 18 площадок, чтобы соотечественники Республики Тывы могли, не выходя из дома, в шаговой доступности получать уголь у себя дома. Сегодня тувинцы проделывают свыше 100 километров в 50-градусный мороз, вынуждены покупать уголь, и, естественно, им это дороже обходится.

Спасибо за внимание.

В.ПУТИН: Планы у вас грандиозные. И начало работы энергичное. Я знаю и о сложностях, с которыми вы сталкиваетесь в ходе работы, надеюсь, они будут преодолены, в том числе отношения с партнерами, но вы – люди деятельные, талантливые, и, безусловно, такие проекты, как ваш, мы будем поддерживать и в дальнейшем.

Спасибо большое, удачи вам.

Пожалуйста, Рашевский Владимир Валерьевич.

В.РАШЕВСКИЙ: Уважаемый Владимир Владимирович!

Уважаемые члены Комиссии!

Я постараюсь коротко, насколько возможно, изложить текущее видение и перспективы развития угольной отрасли с позиции участника отрасли.

Угольная отрасль играет заметную роль для экономики, прежде всего для территории Сибири и Дальнего Востока. По сути дела, все регионы от Кемеровской области до Сахалина являются угледобывающими. Определяющее значение играет уголь и для энергетики Сибири и Дальнего Востока. Если в Европе доля угольной генерации – 8 процентов, то в Сибири и на Дальнем Востоке – это 50 процентов. Уголь является самым дешевым видом топлива на этих территориях. Александр Валентинович говорил про коэффициенты – 1,5-2,5. Это относится к новому строительству. На самом деле для существующей генерации чем дешевле топливо, тем дешевле киловатт-час электроэнергии.

Сегодня стоимость электроэнергии в Сибири – 1,9 рубля, это в полтора раза ниже, чем цена конечного потребителя в Европе и на Урале – 3 рубля, и эта электроэнергия – одна из самых дешевых в мире сегодня. А само по себе топливо, уголь в полтора раза дешевле в Сибири, чем газ, и в пять раз дешевле, чем мазут.

Если говорить о последнем периоде развития угольной отрасли, за последние 10-15 лет, по сути дела, единственным источником развития был экспорт. Если мы посмотрим четвертый слайд, последние 10 лет внутреннее потребление снижалось на 1 процент ежегодно, а в тяжелые 90-е годы – на 4 процента каждый год. При этом экспорт рос на 11 процентов каждый год, благодаря этому, как уже говорилось, мы заняли почетное третье место среди мировых экспортеров. Кроме этого, уголь является пятым крупнейшим товаром российского экспорта с объемом экспортной выручки 13 миллиардов долларов в год.

Где мы находимся сейчас. После периода относительно благоприятной конъюнктуры 2010-2012 года мы сегодня пришли в экономические условия, которые, по сути, эквиваленты кризисным условиям 2008-2009 годов.

Владимир Владимирович, Вы говорили про снижение цен на 20 процентов, это снижение только за 2012 год. Если мы возьмем с пика 2011 года, то снижение по разным товарным группам произошло на 40-60 процентов. В итоге сегодня экспорт в основном убыточен, а консолидированный финансовый результат угольной отрасли за пять месяцев этого года составляет убыток 3,5 миллиарда рублей, за тот же период 2012 года была прибыль 31 миллиард рублей. Связано это прежде всего (если говорить про энергетический уголь) со сланцевым бумом в Соединенных Штатах. Америка была нетто-импортером угля пять лет назад. Она буквально за три-четыре года превратилась в нетто-экспортера. Это развернуло мировой рынок на 6-7 процентов, а наложилось это в свою очередь на увеличение логистических мощностей и объемов производства в странах наших основных конкурентов – Австралии, Индонезии и Колумбии.

Что касается коксующегося угля, то там главную роль играло, конечно, замедление азиатских экономик.

Ситуация в российской угольной отрасли в этом смысле не является уникальной. Сегодня примерно 30 процентов всех экспортно-ориентированных мощностей в мире работает в убыток. Нельзя сказать, что мы встретили эту ситуацию совсем неподготовленными. Если посмотреть следующий слайд, угольная отрасль за пять лет заработала примерно 260 миллиардов чистой прибыли. Все деньги были реинвестированы. Общий объем инвестиций за пять лет превысил сумму прибыли и составил 360 миллиардов рублей. Эти деньги направлялись в развитие производства, в повышение операционной эффективности, в развитие обогатительных, логистических мощностей и, конечно, безопасности. Это создает определенный запас прочности, но с учетом того, что текущая конъюнктура длится почти год, и пока просвета особо не видно. Ситуация для отрасли и для регионов, таких как Кемеровская область, где уголь является основным бюджетообразующим бизнесом, конечно, выглядит достаточно драматично.

Тем не менее сегодня в такой сложной ситуации нельзя не думать о перспективе. Перспектива у нас опять же связана прежде всего с экспортом. Сегодня Россия представлена на двух основных сегментах мирового рынка – это Атлантический рынок, который сравнительно небольшой – 270 миллионов тонн и коксующегося, и энергетического угля, где у нас солидная доля в 32 процента. Но этот рынок особо не растет, и даже в перспективе будет снижаться. И рынок Азиатско-Тихоокеанского региона. Этот рынок сегодня составляет примерно 900 миллионов тонн, но там у нас, к сожалению, незаметные 5 процентов.

Поэтому если мы посмотрим на следующий слайд, то он, по-моему, говорит сам за себя: предыдущие семь лет азиатско-тихоокеанский рынок рос с темпом 10 процентов, и на следующие 20 с лишним лет перспектива роста – 5 процентов. Европейский рынок, как я говорил, будет снижаться. При этом на маленьком рынке у нас 30 процентов доля, а на большом – 5 процентов доля. Связано это, безусловно, с неразвитостью железнодорожной и отчасти портовой инфраструктуры. Те стратегические планы, которые у нас сегодня есть, позволяют только сохранить и, может быть, чуть-чуть увеличить эту долю. При этом, если оценивать перспективные проекты, которые есть в России (здесь дан пример энергетического угля, с коксующимся углем ситуация примерно такая же), в целом мы перспективно конкурентоспособны.

Но есть такая явно выраженная часть – железнодорожный тариф. Специфика российского угля в том, что основные добывающие мощности находятся достаточно далеко от портов. Железнодорожный тариф играет в перспективе определяющее значение, поэтому нам так нужен долгосрочный тариф. Если происходит какой-либо скачок относительно запланированных темпов, это выбивает нас немедленно с рынка.

Если говорить чуть шире о стратегических аспектах развития отрасли, то есть три блока вопросов, принципиально важных для развития отрасли.

Это, как я уже сказал, поддержка экспорта в целом и поддержка развития новых угольных месторождений в труднодоступных регионах, о чем Вы говорили, Владимир Владимирович. Это вопросы развития и поддержки внутреннего рынка угля. И, наконец, третий блок вопросов – это меры по

стимулированию инвестиционного процесса и совершенствование нормативной и законодательной базы для того, чтобы обеспечить конкурентоспособность нашей угольной отрасли.

За последние пять лет с Вашей подачи было проведено много важных совещаний. В основном все вопросы отражены в протоколах и поручениях. Причем по наиболее важным вопросам, таким как, например, развитие железнодорожной инфраструктуры Транссиба и БАМа или долгосрочный тариф, концептуальные решения приняты, что очень важно. По другим вопросам есть существенное продвижение, но они пока не закончены. Я бы не хотел подробно на них останавливаться, там полтора десятка разных вопросов. Нам кажется, что было бы полезно их, возможно, в поручениях сегодняшнего заседания Комиссии продублировать и уточнить с тем, чтобы довести эти вопросы до конца. Если не возражаете, мы передадим свои предложения для включения в протокол, они у нас все есть.

Я бы хотел остановиться буквально на трех, даже, наверное, уже на двух вопросах, потому что один Вы полностью раскрыли (это НДС). Действительно, уже пять лет движется эта тема, была куча поручений, только сейчас появился законопроект. Довольно много всяких игр вокруг этого законопроекта, оттуда регулярно пытаются вычеркнуть уголь. Очень хотелось бы, чтобы уголь там остался.

В.ПУТИН: Только Вы, знаете – извините, что перебиваю, – главное, не пугайте Минфин тем, что это будет распространяться на какие-то другие предприятия. Мы говорим о предприятиях в проекте закона, которые только пока на бумаге, мы говорим о перспективных, о новых месторождениях.

В.РАШЕВСКИЙ: Абсолютно точно, у всех этих месторождений практически есть фамилии, я имею в виду названия месторождений, хотя можно и другую фамилию, наверное, иметь в виду. Правда, в сегодняшнем законопроекте поименованы регионы, это в основном регионы Дальнего Востока и Забайкалья, еще идет дискуссия. Там нет Тывы, которая сегодня была на связи, и нет Коми, там тоже сложные месторождения осваиваются, в общем, регион Бурятии тоже где-то потерян. Конечно, нужно, чтобы уголь остался в законопроекте, есть все возможности этот закон принять в осеннюю сессию.

Второй вопрос, о котором Вы тоже говорили, – это развитие внутреннего рынка угля. Существует ряд направлений, мы их все перечислили, я хотел бы только на одном остановиться. Основное потребление угля идет сегодня у нас в энергетике Сибири. При этом электроэнергия в Сибири самая дешевая, как я уже говорил, там есть такой индикатор – РСВ [рынок на сутки вперед]. На 30-40 процентов электроэнергия на рынке на сутки вперед дешевле, чем в зоне Европы и Урала. Существует значительный потенциал дозагрузки электроэнергетических мощностей. Сегодня это порядка 10-15 миллиардов киловатт-часов, даже 15-20 миллиардов киловатт-часов. В ближайшие два года будут введены дополнительные мощности, и этот потенциал вырастет примерно до 25 миллиардов киловатт-часов. Что это такое. Это 10-15 миллионов тонн дополнительного угля. При этом, к сожалению, потребление электроэнергии в Сибири растет более медленными темпами, что связано в значительной степени со сдвижкой ввода алюминиевых комбинатов.

Вместе с тем существует потенциал для перетока электроэнергии из Сибири в зону Европы и Урала через территорию Казахстана. Считаем целесообразным дать поручение Министерству энергетики и системному оператору проработать вопрос обеспечения этого перетока дешевой электроэнергией из Сибири в Европу и Урал.

И второй перспективный вопрос – развитие сетевых связей между территориями Сибири и Урала в обход Казахстана. Сегодня у нас все сетевые связи идут практически через Казахстан.

Третий вопрос – это железнодорожный тариф, который звучал много раз. В условиях убыточности экспорта первая мысль, которая приходит в голову любому угольщику, как бы убедить государство снизить железнодорожный тариф на перевозку угля. Сегодня он в себестоимости, например, на FOB, – 50-55 процентов, что встречает, как всегда, резкое отторжение «Российских железных дорог».

Нам кажется, что решение этого вопроса находится в плоскости применения приказа ФСТ (приказ, который вышел в конце декабря), который позволяет «РЖД» фактически иметь тарифный коридор, то есть устанавливать скидки, когда необходимо, например, обеспечить гарантированный вывоз продукции или стимулировать объемы, и, соответственно, увеличивать тариф в случае, если конъюнктура это позволяет. Диапазон этих отклонений – плюс-минус 13 процентов, что, в общем, нормально для того, чтобы сегодня простимулировать экспорт.

Нам кажется, было бы разумно поручить «Российским железным дорогам» рекомендовать совместно с угольными компаниями в короткие сроки этот вопрос отработать и прийти, возможно, к соглашению, потому что сегодняшней конъюнктуре было бы целесообразно дать скидку, вместе с тем в нормальных ценовых условиях угольные компании могли бы платить больше.

То же самое по большому счету распространяется (та же модель) в ситуациях, когда компании инвестируют в инфраструктуру общего пользования, о чем Вы говорили. То есть компания инвестирует, и можно предоставлять скидку, которая бы позволяла окупать эти инвестиции. Собственно, три основных вопроса.

В заключение хочу сказать, что угольная отрасль имеет хороший потенциал. Компании и коллективы нацелены на развитие и надеются на то, что государство нас поддержит.

Спасибо.

В.ПУТИН: Спасибо.

Все, что Вы сказали, безусловно, представляет интерес, заслуживает внимания. Надо, разумеется, все это проработать, как следует. Всегда такие вещи, естественно, чувствительные для бюджета, для социальной сферы, для пенсионного законодательства. Я это все посмотрел внимательно, разумеется, надо посмотреть, все проработать. Спасибо большое.

Пожалуйста, Бокарев Андрей Рэмович.

А.БОКАРЕВ: Уважаемый Владимир Владимирович!

Уважаемые коллеги!

То, что мы сегодня обсуждаем, к сожалению, означает, что на рынке реализации угля складывается очень серьезная ситуация. С одной стороны, мы все видели, какой потенциал у нас заложен за последние годы. Мы смотрели сейчас телемосты с предприятиями, которые только несколько лет назад начали развиваться и достигли уже серьезных, больших результатов. То есть с точки зрения производства у нас абсолютно понятные перспективы. К сожалению,

ограниченный рынок нас приводит к тем мерам, которые мы сегодня обсуждаем с точки зрения поддержки и развития как экспортного, так и внутреннего рынка.

По экспорту я бы хотел добавить следующую вещь. У нас сегодня в развитии два основных проекта: это проект «Лавна», Мурманская область, в рамках развития Мурманского транспортного узла, и угольный порт «Тамань», который планируется создать на юге. И по первому, и по второму направлению уже проделано много работы.

По «Тамани», я знаю, недавно проводилось совещание под Вашим руководством, рассматривался этот вопрос. Естественно, мы просим поддержать этот проект, просим внести с государственной точки зрения поддержку и государственную помощь в развитие железнодорожной транспортной структуры. Мы это обсуждали с Владимиром Ивановичем Якуниным. В принципе тот подход, который на сегодняшний день существует, позволяет этот проект реализовать.

Приблизительно те же самые вопросы возникают и по Мурманской области. Это строительство железнодорожной ветки, углубление акватории и, возможно, создание на территории порта свободной экономической зоны, но это вопрос еще перспективный.

То, что касается железнодорожных перевозок, то, помимо всех тех обсуждений, которые мы планируем провести с «РЖД» по возможности использования гибких договоренностей между угольными компаниями и «РЖД», о чем сейчас только что сказал Владимир Валерьевич, мы за летний период нашли еще логистические возможности улучшения ситуации в перевозках. Это положительный момент. Мы с «РЖД» перешли на перевозку угля по так называемому расписанию: под тебя выделяются специальные нитки (маршруты угольные), они имеют свое выделенное расписание. С приходом такой системы перевозок у нас значительно улучшился и объем, и, самое главное, мы фактически ликвидировали простои на сети.

Следующий момент, на который бы хотелось обратить внимание, в рамках внутреннего рынка, в рамках развития и поддержки угольной отрасли – это возможность перехода сегодняшних, еще работающих на мазуте котельных на территории России на угольную составляющую. Приблизительно это может дать порядка 4 миллионов тонн дополнительного потребления угля. Затем (то, о чем говорил Александр Валентинович в своем выступлении) использование возможностей цементной и стекольной промышленности, это еще плюс 7 миллионов тонн. И, естественно (опять же повторяюсь, это то, о чем говорил Александр Валентинович), это укрупнение и увеличение потенциала Дальневосточного и Сибирского регионов с точки зрения угольной генерации.

К тому, что мы сегодня обсуждали по газификации угля, я хотел бы добавить, что сегодня у России уже достаточно ограниченное количество легкой нефти, которая добывается в Сибири. И возможности именно угольной газификации могут привести к тому, что мы сможем получать нефть с лучшими показателями, чем она добывается, допустим, сегодня в районах Татарстана, Уфы и так далее. Это, конечно, капиталоемкий проект, но в принципе к нему все равно надо приходить, потому что запасы угля и нефти в нашей стране все-таки разные, поэтому за этим может быть будущее.

И еще один момент, который касается импорта. Я хочу напомнить, что производство любой тонны угля дает дополнительных налогов порядка 150 рублей с тонны. Это соответствует тому, что любое импортозамещение на российское производство дает дополнительную налоговую базу. В рамках мер по стимулированию и развитию угольной отрасли, если мы говорим об инвестиционных проектах, то хотел бы добавить, что уже сегодня говорили опять же, это, естественно, в первую очередь субсидирование процентных ставок, затем изменение и внесение поправок в трудовое законодательство, которое бы стимулировало сам трудовой процесс, об этом, наверное, сегодня еще у нас Иван Иванович расскажет. Но для нас действительно необходимо

законодательно утвердить увеличение рабочего дня и иметь возможность монетизации дополнительных моментов, связанных с отпусками, с оплатой, доплатой за вредность в условиях Крайнего Севера, по желанию работников.

Плюс мы хотели бы поговорить, и мы сделаем свои предложения тоже, я думаю, в протоколе надо будет это отразить, о сбалансированных изменениях в пенсионном законодательстве с учетом специфики угольной отрасли.

В общем-то, все. Спасибо за внимание.

В.ПУТИН: Спасибо.

Скажите пожалуйста, Вы упомянули про «Тамань». У вас какие предпочтения? Вы хотели бы реализовывать этот проект только с государством?

А.БОКАРЕВ: Мы бы хотели его реализовывать в качестве ГЧП, мы готовы сами строить технологию. Мы обеспечим объемы со своей стороны, мы сами будем строить портовые мощности и технологии. Нам нужна поддержка в железнодорожной инфраструктуре.

В.ПУТИН: Подъездные пути, короче.

А.БОКАРЕВ: Да. Чтобы был гарантирован объем доставки угля до порта.

Мы гарантируем со своей стороны на первом этапе объем порядка 5-6 миллионов тонн. Если этот порт начнет работать, и экономика будет позволять, мы видим развитие рынка только со стороны «Кузбассразрезугля» порядка 8-9 миллионов тонн по понятным рынкам. Совместно с «СУЭКом» мы сегодня говорим о том, что это может быть на сегодняшний день около 12 миллионов тонн.

В.ПУТИН: А подводные каналы? Там же глубины-то ниже.

А.БОКАРЕВ: Я называл в качестве господдержки.

В.ПУТИН: Подводной канал и железнодорожные пути.

А.БОКАРЕВ: Да.

В.ПУТИН: Спасибо.

Пожалуйста, Якунин Владимир Иванович.

В.ЯКУНИН: Уважаемый Владимир Владимирович!

Позвольте прежде всего присоединиться от имени железнодорожников к Вашему поздравлению в адрес шахтеров. Я делаю это с большим удовольствием, потому что мы действительно очень тесно сотрудничаем.

Я хотел бы начать свое сообщение с констатации того факта, что за последние 10 лет объем добычи угля действительно вырос почти на 40 процентов, об этом сегодня уже говорилось. Для моего выступления очень важно подчеркнуть, что если объемы, предназначенные для российского рынка, включая импорт, за период с 2003 по 2012 год практически не изменились, об этом говорило и Министерство энергетики, то экспортные перевозки угля выросли в 2,2 раза.

Честно говоря, я не очень хорошо понимаю экономику, когда такой рост экспортных углей, притом что это делается себе в убыток. При этом перевозки в восточном направлении возросли в 3,4 раза, что существенным образом увеличило нагрузку на инфраструктуру Транссибирской и Байкало-Амурской магистралей.

И я присоединяюсь к тем словам признательности, которые звучали во время нашего видеосообщения в Ваш адрес, относительно выделения средств государственной поддержки на развитие Транссиба и БАМа. Без этого мы, конечно, не смогли бы обеспечить и не сможем обеспечить рост такой перевозки. Тем более что с учетом прогнозируемого снижения темпов роста потребления нефти и нефтепродуктов в энергетике, частичный пересмотр отношения к развитию атомной энергетики в ряде стран мира, рост перспективного спроса на энергетический уголь со стороны стран Азиатско-Тихоокеанского региона в целом будет продолжаться сохранение в среднесрочной перспективе важной роли каменного угля в глобальном топливно-энергетическом балансе.

Теперь несколько слов по тарифам. Из Кузбасса что на северо-запад, что на Дальний Восток – от 4 до 6 тысяч километров. Как ни крути, какие тарифы ни устанавливай, это не 30 километров для Австралии и, может быть, чуть-чуть побольше для Индонезии. Поэтому эта проблема, безусловно, существует, она существует давно. И считаю, что вопрос о том, как обеспечить конкурентоспособность угольной отрасли, является чрезвычайно важным.

Совершенно правильно Владимир Владимирович сказал, что лучший способ решить проблему – решить эту проблему за счет другого. Но я хочу напомнить присутствующим здесь, что в кризисе 2008 года ОАО «РЖД» сократило свои собственные издержки на 140 миллиардов рублей. В этом не очень благоприятном периоде времени мы уже сократили свои расходы на 80 миллиардов рублей, это когда мы говорим об эффективности управления собственной работой.

Теперь – что у нас происходит с реальными ценами на перевозку угля. Доходная ставка на экспортные перевозки каменного угля на 66 процентов ниже среднесетевой доходной ставки. В целом с учетом всех действующих понижающих коэффициентов уровень тарифа ОАО «РЖД» на перевозки каменного угля ниже себестоимости и не покрывает полных затрат на перевозки, особенно на дальние расстояния.

Для ОАО «РЖД» расчетный финансовый результат перевозок каменного угля в 2012 году составил в среднем минус 32 процента, в том числе коксующийся уголь – минус 16 процентов, энергетический – минус 35, экспортные перевозки каменного угля – минус 40 процентов.

Что это в цифрах? Расчетные убытки по перевозкам каменного угля оцениваются в размере 79 миллиардов рублей, что, безусловно, не может считаться нормальным в любой экономике для любой компании. При средней себестоимости перевозок 1 тонны груза на 10 километров в размере 3,93 рубля мы в 2012 году возили уголь при средней доходной ставке 1,68. То есть практически в два раза дешевле. На экспорт через порты – за 1 рубль 35 копеек. В текущем году доходная ставка при экспортных перевозках через порты еще ниже – 1 рубль 26 копеек.

При этом хочу обратить Ваше внимание, уважаемый Владимир Владимирович и уважаемые участники совещания, на слайд № 13 в докладе Министра энергетики. Здесь есть слайд «Изменение структуры цены на экспортируемый уголь FOB». Здесь показана раскладка стоимости. Если брать за единицу, то получается, что услуги порта – это 15, перевозка железнодорожным транспортом в 2011 году – 43, цена поставщика, включая трейдерские услуги, – 61 процент, и все выглядело вполне прилично. Я хочу также напомнить уважаемым коллегам-угольщикам, что еще в 2005 году мы предлагали перейти на гибкую схему формирования тарифа, то есть отслеживание тарифа железнодорожного транспорта в зависимости от конъюнктуры рынка. Вы нас тогда не поддержали.

Что сегодня. Июль 2013 года. Ситуация несколько хуже стала для поставщиков угля. 18 на порт уходит, 44 – на железнодорожные перевозки, и всего 21 остается владельцу угля, на добывающую компанию. При этом опять-таки следует подчеркнуть, что транспортная составляющая на перевозку угля складывается не только из инфраструктурного тарифа, она складывается еще и из стоимости вагонной составляющей, она складывается из стоимости перевалки в порту, плюс еще экспедиторская компания. Так вот для тех компаний, которые владеют терминалами, перевалка тонны угля на своем терминале стоит 4 доллара, а для соседа, товарища по цеху – 18 долларов.

Поэтому если говорить о формировании правильной схемы транспортной составляющей в цене угля, то, мне кажется, здесь нужно обратить внимание на географический факт (мы ничего не сможем сделать с расстоянием, оно есть), на экономический факт (безусловно, чрезвычайно важно, чтобы угольщики были прибыльной компанией), при этом третий факт – нельзя решить проблему угольной промышленности за счет инфраструктурной отрасли, потому что вы сами поддерживали нас, поддерживали нас и у Президента, и в Правительстве, когда мы говорили о необходимости государственного инвестирования в развитие инфраструктуры. Деньги могут взяться только из двух источников – либо за счет стоимости перевозки, плюс государственные инвестиции. Других источников нет.

Что касается возможности рассмотрения схем натурального обмена, когда, скажем, заинтересованная компания строит инфраструктуру, а потом претендует на скидки в перевозке, это возможно в том случае, если вы при этом будете обслуживать эту инфраструктуру. В противном случае получится, что у нас инфраструктура на обслуживание, естественно, на эксплуатационные расходы увеличивается, а доходы с точки зрения покрытия этих эксплуатационных расходов уменьшаются. Опять-таки так просто этот вопрос не решить.

Что касается любых других возможностей. Мы, Владимир Владимирович, по Вашему указанию, когда полтора года тому назад этот вопрос рассматривался, подготовили проекты соглашений по принципу «вези или плати». На сегодняшний день такое соглашение у нас подписано только с «Мечелом». Все остальные пока не могут пойти на такое соглашение, потому что отсутствует долгосрочная тарифная политика, о чем здесь говорилось. Я со своей стороны всецело поддерживаю эту позицию. Нам необходимо, безусловно, перейти от рассуждений на тему необходимости долгосрочного тарифного регулирования к его реализации. Поэтому, например, в первом пункте проекта протокола, который подготовлен, я бы считал возможным даже усилить тот пункт, где говорится об оптимизации железнодорожных тарифов и переходе на долгосрочное планирование тарифов. Полагаю, что можно было бы просто-напросто указать конкретные сроки, в которые это можно было бы сделать. В противном случае железнодорожники и шахтеры не смогут договориться о такой схеме, потому что угольщики не будут знать, какими будут тарифы через год, а мы, естественно, не сможем планировать свою инвестиционную программу, потому что мы не будем знать, сколько же мы сможем получить средств от этих перевозок и сколько средств мы получим от государственной поддержки, которая предполагается.

В целом полагаю, что на сегодняшний день складывается достаточно благоприятная ситуация с точки зрения расшивки узких мест инфраструктуры. И в этом смысле опять-таки хочу присоединиться к словам благодарности за то, что такие решения принимаются. Но при этом даже эти инвестиции, даже эти проекты с учетом долгосрочных перспектив могут оказаться все равно недостаточными. Мы сегодня слышали, «Эльгинский» говорит о том, что он

собирается выйти на объем в 30 миллионов тонн. Мы сегодня за счет всех инвестиций, которые делаем, можем увеличить объем перевозимых грузов в дальневосточном направлении в целом на 55 миллионов тонн, то есть у нас половина уже практически съедается. Тем не менее мы будем продолжать сотрудничество с нашими коллегами. И надеюсь, что мы сможем этот вопрос адекватно представить и в Правительстве, и Президенту для того, чтобы были выбраны соответствующие приоритеты и соответствующие решения.

Возвращаясь к теме поддержки угольной отрасли, может быть, я опять-таки несколько отойду от темы своей собственной ответственности, но я бы сказал, что мне представляется, что решение проблемы конкурентоспособности лежит в двух плоскостях. Плоскость номер один – это повешение эффективности. Об этом Вы говорили, Владимир Владимирович, об этом коллеги говорили. Меня радует, что некоторые наши шахты демонстрируют производительность теперь выше, чем, скажем, среднемировая, и слава богу. А второе, коль скоро мы говорим о географическом положении, это, конечно, вопрос государственной поддержки отрасли. Не железнодорожникам нужна эта поддержка, эта поддержка нужна отрасли. А железнодорожники обязаны с учетом собственной себестоимости погрузить тот уголь, который произведен, и доставить его к месту отгрузки уже на экспорт. Это либо погранпереход, либо порт. В этом отношении со своей работой мы справляемся, в последний месяц мы грузим больше 8 тысяч вагонов в Кузбассе. Это первый столь длительный период такой погрузки.

С точки зрения сокращения расходов мы, безусловно, будем предпринимать и предпринимает существенные меры по повышению собственной эффективности. Это касается и производительности труда, это касается и эксплуатационных расходов. В этом смысле Андрей Рэмович уже упомянул технологию перевозки строго по расписанию, она позволила только за счет подписания этого соглашения увеличить без увеличения каких-либо пропускных мощностей или провозных на 500 тысяч тонн объем той отгрузки, которую они делают. Мы будем по этому направлению работать и дальше. И надемся, что и другие компании нас в такой технологии поддержат.

В целом мы полагаем, что такая услуга востребована. Если в 2012 году таких договоров было заключено всего 12, то на август нынешнего года их подписано уже более 35. И по этому направлению будем двигаться дальше. Кроме всего прочего, это обеспечивает сокращение фактических сроков доставки грузов по сравнению с нормативом приблизительно на 50 процентов, а это значит, что сокращаются наша себестоимость, наши расходы, и это как раз та эффективность, которую мы пытаемся реализовать.

Вы говорили еще и об Азово-Черноморском бассейне. По этому поводу те решения, которые Вы поручили проработать, направлены на разрешение проблем инфраструктурных ограничений в направлении строящегося или будущего порта. В целом мы, исходя из консервативного варианта генсхемы развития портовых мощностей, предполагаем, что необходимо обеспечить объемы перевозок грузов в сообщении с морскими портами Азово-Черноморского бассейна к 2020 году с увеличением более чем в два раза. Это, конечно, серьезная нагрузка на инфраструктуру. На совещании у Вас мы подчеркивали, что без разрешения проблем, например, обхода Краснодара, эту проблему решить едва ли удастся.

Несколько слов об инновационных технологиях, которые мы предпринимает. Мы активно развиваем перевозки так называемых тяжелых поездов. Вместе с промышленностью мы разрабатываем и внедряем вагоны повышенной грузоподъемности, при этом с нагрузкой на ось, не превышающей те стандарты, которые существуют в Российской Федерации. Безусловно, этому способствует и приобретение мощных локомотивов, которые сегодня производятся, отечественных локомотивов. И мне кажется, что я имею право здесь поблагодарить представителей промышленности, тяжелого машиностроения, которые столь эффективно откликаются на потребности отрасли, производя новые, очень мощные локомотивы, некоторым из которых нет аналогов даже в мировой практике. Это все позволяет за семь месяцев 2013 года увеличить маршрутную скорость отправительских маршрутов из груженых вагонов до 581 километра в сутки, что дает увеличение на 17 километров в сутки (это 3 процента). Выполнение графика движения при этом грузовых поездов улучшено на 4 процента и по проследованию – почти на 10 процентов.

На сегодняшний день организуются перевозки грузов по расписанию, как я говорил. В новом графике количество таких поездов увеличено до 1 409 поездов, что на 910 поездов больше, чем в предыдущем периоде.

Сотрудничество с угольными компаниями характеризуется тем, что у нас подписываются прямые договора: это и «Кузбассразрезуголь», и «СУЭК», и «Евразхолдинг», и «СДС-Уголь». Объем перевозок угля с Кузбасского региона в рамках оказания услуг по расписанию составляет сейчас 80 процентов.

Безусловно, мы будем продолжать работу по увеличению скорости движения по Транссибу и по БАМу. Проект «Транссиб за семь суток» для транзитных контейнеров мы уже реализуем. А что касается грузовых перевозок, то, безусловно, с увеличением пропускных возможностей и мощности наших локомотивов мы тоже сможем это сделать. На наш взгляд, необходимым условием скоординированного обеспечения вывоза всей производимой продукции является не только развитие инфраструктуры железнодорожного транспорта, но и развитие морских портов.

Полагаю, что предложение, которое мы неоднократно высказывали, о необходимости замены узловых соглашений, которые бы регулировали взаимодействие портов и железной дороги, в каком-то трансформированном виде должно появиться. В противном случае у нас то под портами стоят невыгружаемые вагоны, и их количество достигает 200 поездов, например, то, наоборот, порт «обсох», условно говоря, а грузы не подвозятся, потому что очень неравномерная загрузка. Полагаю, что это тоже весьма перспективная возможность снижения себестоимости по перевозке углей при таком совместном планировании.

И еще одно предложение, если позволите. У нас очень мало загружены так называемые малые порты Юга. Мы говорим о больших портах, естественно, а малые порты – это Таганрог, Темрюк, Азов, а также Калининград, Кандалакша и Посьет, они загружены недостаточно. При этом если бы можно было диверсифицировать грузовые потоки, то, я думаю, это бы пошло на пользу и отправителям угля, и пошло бы на пользу и железнодорожному транспорту, и морскому транспорту.

В целом полагаю, что сегодняшняя постановка вопроса носит стратегический характер. Мы в этом отношении готовы сотрудничать с угольными компаниями. Еще раз хочу подчеркнуть, что касается эффективности и себестоимости ОАО «РЖД» как регулируемой государством компании, то эти цифры являются абсолютно открытыми, в то время как, соответственно, бюджеты, сметы и все, что связано с эффективностью частных компаний, является вещью закрытой в себе. Полагаю, что для развития совместного сотрудничества тогда нужно, по всей видимости, ставить вопрос о том, чтобы сравнивать, где мы недорабатываем. Мы с удовольствием воспримем критику, если она справедлива. Но подумать и о том, каким же образом не за счет компании «РЖД» решать проблемы угольной промышленности.

Спасибо за внимание.

В.ПУТИН: Спасибо.

Безусловно, ОАО «РЖД» является одной из важнейших частей фундамента российской экономики. И решать проблемы одной отрасли за счет другой – неправильно, это себе в убыток в конечном итоге. Нельзя решать проблемы одной отрасли за счет другой. Но то, что нужно найти баланс между интересами, это точно. Это правда. Я рассчитываю на то, что в соответствующих правительственных структурах эта работа будет продолжаться, а если мы будем выходить на какие-то системные решения, то обсудим и в таком составе, разумеется.

Что касается скорости, то она все-таки пока недостаточная, и вы сами это хорошо знаете. А как увеличивать эту скорость, не будем сейчас об этом говорить, это вопрос отдельной встречи, связанный с развитием самой железнодорожной отрасли уже в данном случае. Надо поговорить и вернуться к гибким тарифам, об этом я говорил, Вы сейчас сами упомянули о том, что вы предлагали, и это нужно сделать.

Наконец, что касается вновь построенных объектов за счет частных инвестиций. Да, разумеется, вы обслуживаете новые объекты. Я сразу вспоминаю анекдот: «А что, конверт теперь уже ничего не стоит, что ли?» Они же построили, деньги-то проинвестировали все-таки. Это что, ничего не стоит? Это же чего-то стоит, правильно? Поэтому здесь тоже должен быть найден баланс интересов.

Спасибо большое.

Мохначук Иван Иванович, пожалуйста.

Социальных вопросов очень много в угольной отрасли. Профсоюзы этим занимаются постоянно, очень плотно, конструктивно, жестко, но конструктивно. Иван Иванович об этом, видимо, и скажет.

И.МОХНАЧУК: Спасибо.

Владимир Владимирович!

Во-первых, я Вам хочу сказать спасибо за поздравление шахтеров с Днем шахтера и за праздник, который Вы нам организовали в прошлом году. Шахтеры все это помнят и Вам очень благодарны за это.

И отдельно меня просили Вам передать большое спасибо жены погибших шахтеров из Воркуты за ту работу, которую Вы начали. Мы ее сделали, мы действительно завершили вопрос, который тянулся с 1958 года, еще с советского периода. Поэтому Вам за это отдельное спасибо.

Но я хотел немножко о другом. У нас есть слайд, который Минэнерго подготовило, и там есть три раздела: «Создание безопасных условий труда», «Развитие трудовых отношений» и «Профессиональная подготовка». В рамках этого я хотел бы сказать, что, к сожалению, несмотря на то, что собственники инвестировали в средства безопасности, в охрану труда, в безопасные методы работы на 4,1 миллиарда долларов больше в 2012 году, чем в 2011-м, а всего 12,3 миллиарда долларов, вместе с тем ситуация у нас остается сложной, напряженной. У нас вырос общий травматизм в 2012 году по отношению к 2011-му году. В 2011 году было 948 единиц общий травматизм, в 2012-м стало 971. При этом и общий травматизм на тысячу работающих вырос и в 2012 году составил 5,7.

В.ПУТИН: Секундочку, я прошу прощения. В отрасли так?

И.МОХНАЧУК: Да, в целом по отрасли.

В.ПУТИН: У нас в целом по стране снижение на 20 процентов, более чем на 20 процентов.

И.МОХНАЧУК: По стране снижение, а по угольной отрасли, к сожалению, в абсолютных цифрах рост. При этом самый, если так условно можно сказать, благоприятный год был у нас 2012-й в отношении гибели шахтеров, погибло 54 человека, 29 – на подземных работах. За семь месяцев этого года погибло уже 59 шахтеров, 50 – на подземных работах. К сожалению, у нас не снижается уровень естественной смерти. На этот момент умерло в шахте под землей восемь человек, один случай у нас зарегистрирован эпилепсии в лаве, и 46 человек нам удалось спасти, у которых были приступы сердечно-сосудистых заболеваний, они остались живы.

При этом когда мы делали анализ того, что происходит по безопасности труда и с чем это связано, к сожалению, у нас по анализу по ряду компаний порядка 70 процентов – это, Владимир Владимирович, чисто организационные мероприятия, которые не требуют денег, не требуют ничего – просто организации работ, отношения к этому более жесткого, конкретного. И тогда многие вопросы снимаются в отношении травматизма и гибели шахтеров.

При этом что хочется сказать. Случаи естественной смерти и заболеваемости шахтеров, на мой взгляд, происходят из-за того, что у нас не совсем правильно организованы предсменные медицинские осмотры, внутрисменные, при приеме на работу, ежегодные, потому что 302-й приказ Минздрава, который вроде как сегодня действует, приостановлен. Он не в полной мере отвечает тем потребностям, которые нам нужны. Его нужно, на наш взгляд, пересмотреть.

Конечно, я понимаю, Вы правильно инициировали вопрос, что «не надо кошмарить бизнес». У нас приняли 294-й Федеральный закон. У нас есть Ростехнадзор, Роструднадзор, которые ходят в шахты, проверяют. Помимо этого, есть закон о профсоюзах, есть 176-я Конвенция, которую мы ратифицировали. И когда мы, профсоюзы, предлагаем в составе Ростехнадзора либо Роструднадзора участвовать в проверках, то этот 294-й Федеральный закон не допускает возможности совместной проверки. В противном случае если такая будет сделана проверка, то работодатель может обратиться к прокурору, прокурор на основании этого закона может признать проверку незаконной.

Я по этому поводу Вам отдельное письмо написал. В Минтруд мы дали предложения по внесению изменений, поправок в этот закон. Я думаю, что это более правильный подход, тогда у нас будет более реальная картина. Мы за счет того, что шахтеры больше знают, что внизу неправильно, сможем снизить в том числе и травматизм, и аварийность, и тяжелые последствия. Это что касается вопросов охраны труда.

Все хорошо говорят, Владимир Владимирович: то, что Вы поручаете, вроде как делается. Но я скажу, что не все выполняется, что Вы поручаете. В частности, по охране труда Вы давали поручение в протоколе от 24 января (пункты 8.20 и 8.21) о разработке средств индивидуальной защиты для шахтеров, в частности, самоспасателя. Сегодня «ТамбовНИХИ» разработал опытный образец, но он не испытан до конца и не внедрен. По Вашему указанию Минпромторгу был выделен 1 миллиард рублей на средства защиты, в том числе предполагалось 300 миллионов выделить как раз на разработку этого самоспасателя, а он компактный, изолирующий, его шахтер может на спине с собой носить. Он достаточен для того, чтобы во время аварии выйти из опасной зоны в безопасную, переключиться уже в другой самоспасатель и остаться живым. Но Минпромторг почему-то не посчитал нужным 300 миллионов выделить именно на доработку этого самоспасателя. К сожалению, этот пункт у нас сегодня не реализован до конца. Он так и провис. Но Минторг отчитался, что деньги использованы, поэтому – не знаю.

И плюс с точки зрения безопасности Вы давали поручение и в 2010 году, и в 2012 году, и в 2011 году по поводу строительства Центра горноспасателей в Новокузнецке, по подготовке шахтеров. Предполагалось, что 9 тысяч шахтеров через него будут проходить, нарабатывать навыки поведения в экстремальных условиях. Деньги были выделены, 871 миллион по 2012 году осваивается, построено общежитие для горноспасателей, строится корпус. А дальше у нас новое Бюджетное правило, и Минфин отодвинул это финансирование по согласованию с Минэкономки на период за 2016 год. То есть, образно говоря, по тому, что нам крайне необходимо, возникает опять долгострой. Начали строить, проектная документация вся есть, вся утверждена, вся

согласована, а отсутствие финансирования на текущий период – 2013-й, 2014-й, 2015-й годы – может привести к тому, что это у нас опять будет долгострой.

Вместе с тем Вы 24 января давали поручение о необходимости разработки и строительства штольни по испытаниям, опытным взрывам и так далее. Тоже, к сожалению, этот пункт не выполнен, поскольку финансирование опять же отодвинуто.

Мы рассматривали вариант того, что у нас на Юге будет Центр спасения шахтеров, а на севере, в Ленинск-Кузнецке у нас есть клинический центр, уникальный сам по себе, и в связке они будут решать полностью задачу защиты и обеспечения шахтеров. Сегодня по Центру тоже возникает вопрос дальнейшего финансирования. Я думаю, что этот вопрос решаемый, поскольку Центр соответствует всем параметрам, заданным Минфином и Минздравом. И я думаю, что необходимо, образно говоря, не трогать, и он будет дальше функционировать весьма успешно.

Что касается развития трудовых отношений, абсолютно правильно отмечено, Вы правильно говорите, мы с очень большим трудом, но заключили тарифное соглашение на три года. Мы определили общие договоренные условия взаимодействия угольной отрасли. Но я должен констатировать, что не все угольные компании (я очень благодарен многим крупным компаниям, которые активно в этом работают и реализуют условия», скажем, Группа компаний «КОКС» в Кузбассе (у них есть «Шахта имени С.Д.Тихова», «Бутовская», «Горняк») отказывается подписывать тарифное соглашение и играть по общим правилам, им это не нравится, а каких-то аргументированных причин отказа, как положено, они нам не дают. И есть еще у нас такая замечательная компания, как «КИНГКОУЛ» – «королевский уголь» или «король угля», я не знаю, как называется, – в Ростовской области, которая самая уникальная. Во-первых, полностью не занимается безопасностью труда, не обеспечивает спецодеждой людей и отказывается от участия в общедоговоренных правилах взаимодействия. Я боюсь, что она может довести до, скажем так, нехороших взаимоотношений в Ростове. Очень тяжелая ситуация.

Дальше я хотел бы перейти к вопросу пайкового угля. Вы давали 24 января поручение Ростовской области в части доработать предложение по обеспечению шахтеров пайковым углем. У нас сегодня нуждаются в решении этой проблемы 17 400 человек, в том числе по Кузбассу – 3 524 семьи, по моему. Да, Аман Гумирович? Это помимо того, что вы еще даете социальный уголь, то, что в Кузбассе у нас очень успешно делается. А помимо этого еще сами собственники компаний дают людям, 60 тысячам работающим, пайковый уголь, это уже их обременение.

Август заканчивается, сентябрь на носу, Сибирь, зима скоро начнется, а если по крупным компаниям – «СУЭК», «Кузбассразрезуголь», «Мечел», «Евраз», «Северсталь» – эта проблема закрывается, компания «КИНГКОУЛ» опять же на сегодняшний день ни одной тонны угля людям не дала. И как дальше решать проблему? Ситуация в Ростовской области может быть очень сильно обострена. Там много ветеранов, много закрыли шахт, она достаточно острая. Я думаю, что это требует какого-то отдельного рассмотрения вопроса в отношении пайкового угля.

Что касается того, о чем говорил Андрей Рэмович, по восемь часов на подземных работах, 12 часов на открытых работах, и о компенсации. Я хочу сказать, что этот вопрос мы отработали с Минтрудом, у нас нет больших разногласий. И в Ваших поручениях есть оптимизация порядка, установление продолжительности ежедневных смен на подземных. Я бы туда еще добавил открытые горные работы. Потому что по подземным мы договорились, а по открытым – у нас же прокуратура не дремлет и очень хорошо работает. Прокурор приходит в Кузбассе на открытые работы и Рострудинспекции говорит: «А почему у вас шахтеры работают по 12 часов? В Трудовом кодексе восемь часов». А людям так удобно. Во-первых, это далеко, и они в рамках баланса недельного рабочего времени работают, то есть баланс недельного времени не нарушается. Четыре дня работают, три – выходных, три работают, четыре – выходных с учетом удаленности и так далее. А прокурор приходит и начинает останавливать работы, начинается возмущение, хотя людей это

устраивает. В рамках законопроекта мы этот вопрос проработали, его нужно только принять в Госдуме. Я думаю, что вполне реализуемо на осенней сессии. Если дать поручение, я думаю, что мы эту тему закроем.

Ну и что касается профессиональной подготовки. Я, кстати, должен сказать, большое спасибо за Ваше решение в отношении «30 на 70», потому что оно сыграло свою роль. Сегодня у нас нет больших проблем в отношении заработной платы, она растет. Благодаря тарифному соглашению и поддержке (мне неудобно, может быть, говорить, но в том числе спасибо Игорю Ивановичу, который нас всегда поддерживал) зарплата у шахтеров за это полугодие выросла, у рабочих, на 2 226 рублей, то есть это серьезно в тех условиях, в которые попали наши угольные компании. Я бы хотел также сказать большое спасибо собственникам, которые уделяют этому большое внимание.

Хотел бы остановиться еще на одном важном вопросе – профессиональной подготовке шахтеров. Я уже сказал, что причина аварий, травматизма – это 70 процентов чисто организационный вопрос. Это как раз говорит о том, что у нас либо неправильная, либо не совсем современная подготовка кадров, в том числе инженеров. В протоколе, который подготовлен, еще говорится о том, что необходимо проработать вопрос центров, вузов. Кстати, я должен сказать, что шахтерам до сих пор непонятно, почему взяли и, образно говоря, ликвидировали Московский горный университет. Приняли решение объединить его с МИСиСом, сделать что-то такое непонятное. Московский горный университет – это базовый институт для разработки разных программ, в том числе и учебных, по другим институтам Сибири, Дальнего Востока и так далее. Многие задают вопрос, а ответа объяснимого нет, хотя там и база хорошая, он может вполне эффективно дальше существовать.

Кстати, у Вас было поручение в 14-м пункте январского протокола о необходимости разработки комплексной программы по подготовке и переподготовке кадров. У нас как раз проблема возникает именно по рабочим кадрам, потому что при советской власти в рамках Минуглепрома существовал некий норматив. Каждое объединение, предприятие должно было иметь училище, где должно было учиться не менее 10 процентов списочного состава, техникум – 5-7 процентов списочного состава и институт – 5 процентов. Это исходило как раз из текучести кадров: замещение должно идти. Если по высшим учебным заведениям еще как-то вопрос решается, то по училищам при советской власти было 143 техникума, которые готовили специалистов для горной промышленности, на сегодняшний день – 26.

Хочу сказать спасибо Аману Гумировичу Тулееву, который недавно реанимировал один техникум в Кузбассе, решающий эту проблему. А в целом я считаю, что Минобрнауки не выполнил эту задачу, потому что нет современной системы подготовки прежде всего рабочих кадров. И если раньше Минуглепром СССР курировал училища и техникумы, то сегодня они отданы в регионы, в районы, в муниципалитеты. И до конца непонятно, как нам дальше решать эту проблему.

Много говорилось о глубокой переработке угля. Я полностью согласен, что надо этим заниматься. Владимир Владимирович, как-то не совсем удобно говорить, у нас был институт горючих ископаемых в Москве на улице Стасовой, созданный в 1938 году, кстати, как раз для глубокой переработки угля, в том числе и жидкого топлива, и взрывчатых материалов, и в рамках мобилизации, подготовки к ожидаемой войне, скажем так. Там были собраны ученые. На сегодняшний день, простите за сленг, этот институт «свиснули». Рейдерский захват, разбазаривают все это имущество. Владимир Владимирович, по этому поводу было дано 11 поручений на самом высоком уровне, в том числе пять Ваших поручений, пять поручений Игоря Ивановича, Иванова Сергея Борисовича были даны поручения; ФСБ и Прокуратура занимались. Извините, за державу обидно – государственное имущество тырят рейдерские захваты, причем транснациональные. Семь лет этот процесс длится, и завершения его не видно. Я думаю, что нужно сберечь то, что у нас есть.

И последний вопрос, который я хотел бы осветить, вопрос очень сложный (я уже говорил и Андрею Рэмовичу Белоусову, и с Максимом Анатольевичем Топилиным мы много спорим), – это вопрос о той пенсионной реформе, которая сегодня идет, о стратегии развития. Те, кто работают, те, кто

зарабатывают, те, кто платят, – на них еще и вешают. При этом деньги, которые платят угольные компании, я глубоко убежден, и металлурги, там особо вредные и опасные производства, достаточны на выплату досрочных пенсий шахтерам и другим категориям, но в прошлом году нам добавили 4 процента по первому списку, 2 процента – по второму. С 1 января 2014 года нам опять добавляют взносы по второй статье фонда заработной платы в социальные фонды, 6 процентов будет, 4 процента.

Помимо этого, я понимаю, что у нас опасное производство, мы платим до 8,5 процентов страхование от несчастного случая. Помимо этого мы платим 6,7 процента доплаты к пенсиям шахтеров. И в итоге у нас выплаты по второй статье вырастают до 50 процентов вместо 32, как остальные платят, из расчета на 170 тысяч работающих, с учетом того уменьшения, потому что под землей у нас 59 тысяч шахтеров работает по первому списку и 50 тысяч – по второму списку там на разрезах. Это за минусом тех, что на общих работах. Нагрузка, в общем-то, приличная. Мне кажется, что было бы, наверное, правильно, нам как-то по-другому немножко на это посмотреть. Кто сколько платит, кто сколько забирает, сколько остается, кто сколько недобирает. И потом все эти платежи идут в солидарную часть пенсионной системы, а не именно шахтерам. И получается, что коэффициент замещения утраченного заработка по пенсиям, если взять по идеологии, должен быть 40 процентов, сегодня составит 37 процентов по России. Даже, я боюсь соврать, по-моему, по этому году 33 процента. То есть упал коэффициент замещения утраченного заработка, несмотря на индексацию пенсий. А у шахтеров он составляет от 17 до 24 процентов, то есть еще меньше, исходя из заработка. При этом даже те деньги, 10 процентов, которые мы платим «с хвоста» выше 47 тысяч 330 рублей, тоже идет в солидарную часть, опять же к нам не попадает.

Мне кажется, надо какой-то разумный подход. Я Ольге Юрьевне Голодец предлагал провести совещание заинтересованных сторон и разобраться, поскольку мы перешли на страховые принципы, а не на социальные налоги. И проведя актуарные расчеты, можно спокойно посмотреть, кто сколько должен платить. Не обязательно все должны поровну платить, но этого должно быть достаточно для того, чтобы обеспечить некий согласованный коэффициент замещения утраченного заработка, будь то досрочная пенсия, будь то основная пенсия. И мне кажется, что вот здесь, это вопрос очень больной у шахтеров, поскольку мы чувствуем, что государство может уйти из обязательств по досрочной пенсии, передав их в корпоративную пенсионную систему либо в негосударственные пенсионные фонды. А там, как мне говорят, на основании личного письменного заявления трудящегося работодатель посмотрит просьбы. Но там будут уже не просьбы, а будет принуждение к добру. И дальше люди могут пострадать. Мне кажется, на этот вопрос тоже нужно обратить внимание, чтобы не возникало конфликтных ситуаций.

Ну а в целом я хочу сказать (я не стал говорить о технических вопросах, поскольку я знаю тоже и по ценовой политике), хочу сказать спасибо угольным компаниям. Несмотря на падение цены на уголь, несмотря на то, что ситуация на рынке сложная, они все-таки стараются соблюдать условия тарифного соглашения. Мы очень жестко это отслеживаем. И я тоже Вам благодарен за поддержку, потому что они знают, что Вы за этим тоже следите, и, наверное, тоже как-то активизируются.

Спасибо Вам тоже за все.

В.ПУТИН: Спасибо.

Что касается пенсионной реформы, то это, конечно, очень чувствительный вопрос, и здесь мы его до нюансов вряд ли сможем обсудить.

Мы исходим с вами из того, а здесь я согласен с горняками, с шахтёрами, что касается вредных и тем более опасных производств, то нам придётся сохранять досрочный выход на пенсию, во всяком случае до тех счастливых дней, до которых, я надеюсь, мы когда-то доживём, и условия работы в шахтах не будут вредными и опасными.

Но это не завтра и не сегодня произойдёт, к несчастью, – это длительный процесс, и, когда это будет, мы пока не знаем. Но пока эти производства являются вредными и тем более опасными, мы должны эту систему сохранить.

Тогда возникает вопрос о том, как её финансировать. Ясно, что все эти вопросы должны быть сбалансированы и распределены эти нагрузки. Вы сейчас сказали, что Вы в дискуссии находитесь с Правительством – я Вас прошу это продолжить.

По кадрам тоже большая отдельная, очень важная тема, я с Вами полностью согласен.

Пайковый уголь: да, я знаю, сколько там получают, сколько получается от предприятий, сколько – от государства. Прежде всего, это те работники, которые были освобождены в результате реструктуризации отрасли и работавшие в советское время. Те, кто не работали, те, кто были потом уволены, работая уже на частных предприятиях, – те не получают; таких примерно 17 тысяч. Но если кто-то вообще не желает этим заниматься, то, конечно, с этими предприятиями – тем более не занимаются вопросами охраны труда – надо разбираться с ними отдельно.

Также это касается и тех, кто не желает заключать соответствующие отраслевые соглашения. Вы знаете, что закон не позволяет Правительству сейчас предпринять какие-то экстраординарные меры, заставить предприятия подписать эти соглашения, но вместе можно подумать, и Правительство точно может провести консультации между работодателями и профсоюзами, и я прошу Правительство это сделать.

Что касается центра горноспасателей, мобильного центра, то, насколько мне известно, заявка так и не была сформулирована МЧС, вот в чём дело, хотя, естественно, Минфин, допустим, наверное, и рад тому, что она не была сформулирована. Но нужно, чтобы МЧС это сделало вместе с вами. Я понимаю так и исхожу из того, что вы в этом заинтересованы.

А вот индивидуальные средства защиты, которые действительно были прописаны в одном из наших предыдущих решений, они профинансированы только частично, а деньги были выделены. Причём, насколько я себе представляю, это мы сейчас попросим Министра рассказать, 300 миллионов как раз было профинансировано, но не из этого миллиарда, который был выделен на эти цели. Где остальные деньги и почему вы дальше не хотите продолжать эту работу, мне непонятно – Ивану Ивановичу [Мохначуку] непонятно, и мне непонятно. И люди ждут этих аппаратов.

Да, можно, наверное, что-то купить, но лучше ли будет, если мы будем покупать? Тем более что разработки у нас есть отечественные – и не хуже.

И, наконец, что касается медцентра...

РЕПЛИКА: В Ленинске-Кузнецком.

В.ПУТИН: В Ленинске-Кузнецком. [Медцентр] провёл за счёт средств, выделенных в рамках программы модернизации здравоохранения, – провёл, насколько мне известно, и капитальный ремонт, получил оборудование. Всё это исчисляется, не помню точно, конечно, сейчас на память не вспомню, но где-то миллиардов под сорок, наверное, они получили по различным направлениям: и на капитальный ремонт, и на закупку оборудования.

В принципе это региональное учреждение. Давайте подумаем, что можно сделать дополнительно. Я боюсь ошибиться в цифрах...

РЕПЛИКА: Владимир Владимирович, там решён вопрос, там нет проблем, по Ленинску-Кузнецкому, Вы правильно всё сказали.

В.ПУТИН: Тем более.

Я должен переговорить со своим британским коллегой. Прошу сейчас Министра выступить с соответствующей информацией, а потом Аркадия Владимировича [Дворковича] и Игоря Ивановича [Сечина] тоже – начать дискуссию, если кто-то хочет высказаться.

Я сейчас вернусь. Спасибо.

Д.МАНТУРОВ: Иван Иванович, Вы сказали две ключевые вещи. Первое, что безопасность на шахтах обеспечивается не только за счет федерального бюджета, а, скажем так, компаниями, которые организывают безопасность, такие как «СУЭК», «Кузбассразрезуголь» и многие другие. Они это обеспечивают не за бюджетные средства. Поэтому то, что Вы сказали, Вы сказали абсолютно правильно.

Что касается невыполнения поручения на тот момент Председателя Правительства Владимира Владимировича в январе, то оно исполнено в части того, что программа, а точнее подпрограмма, «Современные средства индивидуальной защиты и системы жизнеобеспечения подземного персонала угольных шахт» была разработана, утверждена в конце прошлого года. Но при этом резерв на Минпромторг был поставлен в объеме 1 миллиарда на тот момент, повторяю, резерв, не доведенный лимит, а резерв.

Почему резерв – потому что программа не может функционировать без общего объема доведенных лимитов на последующие годы, соответственно, программа должна действовать с 2013 по 2018 год с общим объемом финансирования из бюджета федерального 12,7 миллиардов рублей. Поэтому если нам довели, а точнее – зарезервировали 1 миллиард рублей, мы не можем начинать раскисировать, потому что ни одна работа не завершается в течение 2013 года, она вся переходящая. Соответственно, по бюджетным правилам я не могу проводить мероприятие, которое закончится в 2014 году, и принять я их должен в 2014 году, но в 2014-м, я думаю, у меня денег не будет.

Поэтому, не дожидаясь средств, которые были выделены дополнительно Министерством финансов, с которым мы находимся в процессе обсуждения планового бюджета на 2014-2016 годы, и, я думаю, что мы найдем какие-то компромиссы, может быть, не прямым финансированием НИОКРов, а возможным софинансированием через субсидии с возможным возвратом этих средств обратно в том случае, если компании, которые разработают, не внедрят это уже в производство и не коммерциализируют эту разработку. Поэтому такая практика у нас сейчас отрабатывается по другим подпрограммам.

Процесс формирования бюджета 2014-2016 года завершится до октября, мы находимся сейчас в этом процессе. А что касается того, что мы уже финансируем, не дожидаясь основной подпрограммы, это ФЦП «Развитие электронной компонентной базы и развитие радиоэлектроники», мы профинансировали 372 миллионов рублей, еще раз повторяю, не дожидаясь, по тем мероприятиям, которые носят междисциплинарный порядок. И будут использоваться эти разработки не только по индивидуальным средствам защиты и безопасности, соответственно, в шахтах, но и по другим отраслям промышленности. Но в первую очередь по этой. В частности, это ОКР по созданию унифицированных электронных модулей-преобразователей для внедрения роботизированных комплексов. Работы закончатся в 2014 году, в июле. Сейчас опытный образец уже создается, начато финансирование в прошлом году.

Второе: разработана базовая технология создания унифицированных электронных модулей-контроллеров для управления шахтным оборудованием. То же самое – в апреле следующего года полностью будут образцы испытаны и, надеюсь, что они будут внедрены в производство.

А.ДВОРКОВИЧ: Денис Валентинович, давайте без таких уж совсем технических деталей. Я предлагаю следующее – в течение двух недель доложите, какие элементы будут включены в это компромиссное решение. Я тоже сомневаюсь, что очень большие деньги будут выделены на 2014-2016 годы, но некоторый объем возможен, в том числе и перемещение каких-то расходов с 2014 года на 2013 год, и обратно с 2013 года на 2014-й в рамках этого миллиарда рублей по вашим направления, и определение тех ключевых элементов программы, которые можно реализовать при меньшем финансировании. Я предлагаю сейчас не открывать дискуссию.

И.МОХНАЧУК: Маленькая ремарка по взаимоотношениям с Правительством. Сейчас Топилин выступит, скажет, что я неправильно говорю по пенсиям. Денис Валентинович говорит, что неправильно. Я же у него спрашиваю про самоспасатель, а он мне про какую-то электронику. Надо же отвечать на конкретный вопрос, а не так абстрактно что-то. Я, может быть, больше него знаю, что делается в плане.

А.ДВОРКОВИЧ: Иван Иванович, не открываем дискуссию, у меня встретимся и разберемся на эту тему, хорошо? Спасибо.

Д.МАНТУРОВ: Я буквально секунду, если можно. Я больше ничего не буду продолжать, с точки зрения того, что разработано, у меня просто предложение. Иван Иванович, Вы зацепились за конкретное мероприятие. Хочу пригласить просто Ивана Ивановича к себе проработать этот вопрос. Давайте встретимся и проговорим.

А.ДВОРКОВИЧ: Спасибо большое.

Коллеги, несколько ремарок по отдельным темам, которые были высказаны.

Калининград, прежде всего. Необходимо Минэнерго рассмотреть возможность строительства угольной ТЭЦ в Калининграде совместно с коллегами, но при соблюдении двух условий. Первое – полное соблюдение всех самых высоких экологических требований, а это очевидно влияет на затраты при создании таких генерирующих мощностей. И второе – это балансировка этого решения с тарифным регулированием, которое уже достаточно разбалансировано, и простого решения там нет, тем не менее, возможно, решение найдется, нужно эту тему проработать совместно со всеми заинтересованными сторонами.

Второе. По поводу баланса перевозок на Восточном полигоне. В дополнение к тем решениям по инфраструктуре, которые уже, по сути, приняты, и которые начинают реализовываться.

Уже упомянули тему тяжеловесного движения. Я думаю, как раз по объемам это и добавляет необходимый объем, который будет достаточным для реализации всех проектов разработки полезных ископаемых, о которых идет речь, и там будет больше 55, если включить весь потенциал тяжеловесного движения, а не только модернизацию Транссиба и БАМа.

Третье. По НДС и по тарифам. Решение по НДС, естественно, будет подготовлено совместно со всеми заинтересованными сторонами, не только по углю, естественно, по всем другим твердым полезным ископаемым, по новым месторождениям в труднодоступных регионах, где рентабельность действительно низкая. Но мне хотелось бы, чтобы это было сбалансировано, скоординировано как раз с теми тарифными решениями по «РЖД», которые сейчас принимаются, с тем, чтобы обеспечить хотя бы какую-то окупаемость внебюджетных инвестиций, вкладываемых в Транссиб, прежде всего, иначе мы не получим необходимую доходность на тот, пусть небольшой, но тем не менее объем средств Фонда национального благосостояния, который мы вкладываем в этот проект.

И по горному университету, Иван Иванович. Я очень хорошо знаю эту тему, как Вы понимаете, поскольку возглавляю совет «МИСиСа», а еще хорошо знаю ситуацию в Московском горном университете и в Питерском горном университете. Я думаю, что у Вас нет сомнений, насколько выше уровень подготовки науки и всего остального в питерском Горном университете по сравнению с московским, просто небо и земля. И здесь, я думаю, все с этим практически согласны.

Второе. У Московского горного университета нет такого потенциала развития, какой есть у МИСиС. МИСиС сейчас получил дополнительную государственную поддержку, которая будет в том числе использована для поддержки самых лучших школ, которые есть в Горном университете. Без этой поддержки Горный университет продолжал бы катиться вниз, а не подниматься вверх.

И третье. В обоих университетах есть смежные очень близкие специальности, которые будут интегрированы, и здесь возможна оптимизация в системе управления, в расходах на функционирование университетов. Тем не менее все специфические направления, все специальности, связанные с горным делом, будут сохранены. Ни в коем случае не ликвидированы. Так что никаких опасений здесь не должно быть. Будем отслеживать этот процесс очень внимательно с Министерством образования.

Я согласен с теми рисками, которые Вы обозначили, но я знаю, как эти риски можно минимизировать. Поскольку остальные коллеги на комиссии не знакомы с ситуацией в двух университетах, то открывать здесь дискуссию достаточно бессмысленно.

И.МОХНАЧУК: Надо помнить о том, что угольная отрасль – это не металлургия, я не хочу их обижать, это особо опасное производство, где гибнут люди, где происходят взрывы, и подготовка специалистов требует особых условий, особого отношения. Это никто понимать не хочет.

А.ДВОРКОВИЧ: Иван Иванович, мы встретимся в составе, в котором будут присутствовать все, кто знает этот вопрос. Спасибо.

И.СЕЧИН: Я считаю, что на этой площадке достаточно людей, которые владеют ситуацией, в том числе и по Горному институту тоже. Поэтому, я считаю, здесь на комиссии надо учитывать мнения всех присутствующих.

Больше того, напомню о том, что говорил Иван Иванович: 266 погибших за последние годы – это та цена, которую мы платим за нерешение этих проблем. Это я и к Минпромторгу тоже обращаюсь. Я не хотел бы, чтобы нам пришлось заглядывать в глаза новым вдовам из-за того, что мы каких-то решений не приняли или не доработали чего-то. Это очень серьезный вопрос.

А.ДВОРКОВИЧ: Игорь Иванович, абсолютно некорректное заявление. Я думаю, что Вы не знаете цифры, например, научных исследований.

И.СЕЧИН: Мне можно завершить? Или не надо?

А.ДВОРКОВИЧ: Игорь Иванович, я прошу не использовать некорректные аргументы.

И.СЕЧИН: Я, как ответственный секретарь Комиссии, могу высказывать свое мнение. Я Вас не одергивал, Аркадий Владимирович. Вы не свое совещание проводите сегодня. А я как раз ответственный секретарь комиссии и готовлю материалы, и погружался в проблемы этой отрасли. И не первый год я этим занимаюсь. Не хочу спорить по этому вопросу.

Хотел бы попросить коллег сориентировать по проекту решения о сжижении угля. С точки зрения синтетического топлива, о котором говорил Андрей Рэмович, это будет очень дорогое удовольствие. Теорема Фишера–Тропша, собственно, уже реализована, есть проекты по GTL [gas to liquid], по сжижению газа, по получению жидкого синтетического топлива из угля. Но для нашей страны, наверное, это может иметь очень локальное применение. Мне кажется, надо быть ближе к земле. И если речь идет о получении угольной генерации на чистых технологиях, на это, наверное, надо обратить внимание. Все-таки наша работа должна быть направлена на получение практического результата.

И хотел попросить дать предложения в проект протокола. У кого-то, возможно, есть такие предложения, которые не прозвучали в ходе обсуждения. Пожалуйста, если такие сейчас есть, просил бы обозначить нам или переслать.

В.ГАЙЗЕР: Хотел бы предложить проект протокола дополнить пунктом, где говорится как раз о поручении Правительству в части отработки вопроса по льготам по НДС, поддержать Владимира Владимировича, что там не все проекты отражены и регионы. И Печорский бассейн выпал, хотя на самом деле у нас действительно реализуются два крупных проекта как раз по коксующимся углям и в труднодоступных районах с неразвитой инфраструктурой. Не сомневаюсь, что и какие-то другие проекты еще не отражены. Не хотелось бы, чтобы они выпали из этой работы.

И.СЕЧИН: Обязательно учтем. И посоветуемся с вами по формулировкам.

Пожалуйста, еще какие предложения?

А.ТУЛЕЕВ: Игорь Иванович, во-первых, программа развития угольной отрасли до 2030 года, которую обсуждали здесь в Кузбассе, я имею в виду Кемеровскую область, выполнена вся. И по шахте Распадской мы с вами постоянно разговариваем, все обязательства также выполнены в полном объеме.

С января 2012 года в рамках программы развития угольной отрасли России до 2030 года в отрасли привлечено на сегодняшний день уже 130 миллиардов рублей инвестиций. И мы построили за этот период 7 новых предприятий по добыче и переработке угля. Причем, вы же знаете, что в прошлом году мы добыли 200 миллионов тонн, а в советское время мечтали о 150. Но тогда так и не добыли. Тогда работало в угольной отрасли 315 тысяч человек, а сейчас всего 109 тысяч человек.

Я бы хотел поблагодарить, конечно, Президента Российской Федерации Владимира Владимировича, Вас, Игорь Иванович, за то, что присвоили высокое звание Героя труда России (с Иваном Ивановичем Мохначуком долго об этом говорили) именно шахтеру всего из пяти россиян, причем нашему легендарному земляку Мельнику Владимиру Ивановичу, человеку-легенде в полном смысле этого слова.

Теперь в то же время проблема. Владимир Иванович Якунин как президент «Российских железных дорог», я ему очень благодарен, конечно, прилагает, я бы сказал, титанические усилия. Что такое грузить 8 тысяч полувагонов каждые сутки – я понимаю. Это надо завезти 10 тысяч полувагонов, погрузить, сформировать, отправить. Но в то же время, Игорь Иванович, 16 миллионов тонн угля лежит. Это тройной норматив угля. Тройной норматив. Он лежит уже более полутора лет. Соответственно, качество теряется. И пошло, и поехало. Уголь самовозгорается. Но самое страшное, Игорь Иванович, Владимир Иванович, когда человек выходит и говорит: «А что я спускаюсь-то под землю?» То, о чем говорит Иван Иванович, – о смертельном травматизме. Какой смысл его добывать, если он лежит? Для чего идет издевательство над трудом шахтера? И вот это понять никто не может.

Если даже 8 тысяч полувагонов мы будем вывозить, мы из тупика не выберемся. На 9 тысяч, Вы прекрасно понимаете, Владимир Иванович, пропускных способностей не хватит, но не Ваша это вина. Это понятно, не Ваша, не БАМ, не Транссиб – все это ясно, но есть проблемы. Я согласен с программой

модернизации, расширением мощностей БАМа, Транссиба, Забайкальской дороги, Междуреченск–Абакан–Тайшет, но внутренний рынок действительно снижается. За четыре месяца, Игорь Иванович, мы сократились где-то на 11 процентов, а на внешнем рынке ситуацию Вы знаете. Большинство предприятий работает в убыток, надо вещи называть своими именами. Казалось бы, в таких условиях можно сократить добычу. Но сократишь добычу – потеряешь международные рынки, то, о чем сейчас говорил Владимир Владимирович.

Теперь экспорт – это, Игорь Иванович, Вы лучше всех знаете, основной источник на развитие угольных предприятий. И, самое главное, Игорь Иванович и Иван Иванович Мохначук, это ведь безопасность наших шахтеров – это одно, потому что только из этих денег мы можем покупать все и устанавливать новую технику, технологию, обеспечивать безопасность труда.

И самое-то главное, Игорь Иванович, мне обидно, честное слово, до слез обидно, никто не понимает, мы никому не можем вдолбить, что эта валюта от экспорта, и Владимир Иванович, мне обидно слушать Вас было, у нас нет другого источника. Внутренне не едем, Вы прекрасно знаете, на экспорт не едем – денег не получаем, денег не получаем – мы ведь доиграемся. У нас города угольные, а под ними подземные города, Игорь Иванович, 63 шахты, и под ними, Игорь Иванович, 3500 километров подземных тоннелей на различных глубинах. Тоннели. Московское метро у Собянина всего 313 километров, а здесь 3500. И для того, чтобы эти дома не рухнули, эти подземные тоннели нужно содержать: воздух надо выкачивать, электроэнергию нужно подавать, газ метан выбрасывать, не допускать перетоков воды на другие действующие предприятия и предупреждать заболачивание этих городов, улиц и так далее наверху. Деньги-то от экспорта в первую очередь идут на эти цели. Это самое же страшное, если мы этого не сделаем, вы понимаете, что это будет.

Теперь, что касается тарифов. Я тоже, честное слово, не понимаю. Сложно, понятно. И проблемы, Владимир Иванович, мне близки и понятны. Ну что, неужели нельзя договориться? Ведь правильно говорит Владимир Валерьевич Рашевский, Бокарев Андрей Рэмович. Поднялись цены на экспорт, на мой взгляд, давайте поднимем тарифы, обязательно поднимем тарифы. Ну, упали они, не по нашей вине упали – давайте на столько же в пропорции снизим их. Но для этого нужна ясность, понимание, подписание соглашения. Не надо обманывать друг друга, и надо понимать действительно и проблемы дороги, и наши проблемы, шахтерские. Если падает цена на уголь и не снижаются железнодорожные тарифы, то, соответственно, я считаю, этот вариант проигрышный для всех.

Я обращался в Правительство Российской Федерации. Говорил Владимиру Владимировичу сейчас в ходе рабочей поездки. Произошло же тяжелейшее землетрясение, самое мощное в Сибири за последние 110 лет. Сила землетрясения – 5,1 балла. И произошло все это на глубине 4 тысячи метров под разрезом «Бачатский», одним из крупнейших разрезов в мире. Причем эти процессы опасны. Например, на Кольском полуострове в 1999 году были толчки в 5 баллов – полностью разрушили шахту. Землетрясение в 4,5 балла в ЮАР – 410 человек шахтеров погибло. У нас, слава богу, все живы и невредимы, но 5100 домов, Игорь Иванович, лежит на боку. 5100! 300 многоквартирных жилых домов получили трещины, 45 социальных объектов надо латать. Материальный ущерб, Аркадий Владимирович, 2 миллиарда практически! Ну, не орем мы, не орем, потому что видим, что на Востоке происходит. Но в то же время и относиться к региону так тоже нельзя.

Мы написали письмо. Я хочу поблагодарить, есть решение Президента, есть решение Правительства. Мы получили 110 миллионов рублей, 200 жилищных сертификатов и так далее. Но что это такое? Если бы не Абрамов Александр Григорьевич («Евраз Групп»), Бокарев Андрей Рэмович, Рашевский Владимир Валерьевич – нам конец. Еще неизвестно, каким образом у нас все это сложилось. Но до зимы, Игорь Иванович, остался один месяц, один. Я же не могу их держать в эвакупунктах, в палатках и так далее. Мы просто убедительно просим рассмотреть вопрос (беда ведь это), согласовать дальнейшие 600 миллионов рублей хотя бы для школ, больницы, социнфраструктуры и остальных дел.

И еще один вопрос, Игорь Иванович. Я считаю, его надо решать и здесь записать как-то, если это возможно. Мы по году на угольных шахтах и рудниках взрываем 600 тысяч тонн взрывчатки. Это несколько «хиросим». И достали эти споры. Одни ученые говорят: «Тулеев, взрывай, потому что это разрежает земную кору, горное давление ослабевает». И это вроде хорошо. А другие говорят: «Нет. Потому что когда ты взрываешь столько, силы, векторы – все это совпадает и, наоборот, все это усугубляет положение, горное давление поднимается и так далее». Хотя в 80-х годах на Украине, на шахте «Юнком» взрывали атомную бомбу ради того, чтобы разредить горное давление.

Первое – нам нужно определиться. Мы определиться не можем. Ученые между собой спорят, а проблема не решается. Я считаю, Игорь Иванович, в районе землетрясения нам нужно лицензии прекратить, а те, которые выданы, запретить, пока мы не внесем полнейшую ясность.

И еще одна проблема – это старые шахты: Прокопьевск, Анжерка, Киселевск. Игорь Иванович, Вы их знаете. У нас 12 шахт. Они 30-х годов. В зоне риска находится 12 тысяч домов, в которых проживает 16 тысяч семей. И все шахты, уважаемый Владимир Владимирович, я в ходе в рабочей поездки докладывал Вам, пока мы ехали из аэропорта, работают. У нас нет никаких правил, мы здесь никаких рекомендаций дать не можем, ручной труд, дедовские методы. Нет таких производств нигде в мире. Сейчас на этих шахтах идет 970 подземных пожаров, и мы не работаем. Шахты работают в убыток, зачем их держать? И мы ведь предложили выход, не просто вопим, что плохо, мы говорим: «Давайте так: закрытие каждой шахты – 1 миллиард 300 миллионов, берут на себя собственники». Собственники подписали соглашение, они говорят: «Мы готовы». А дома, которые находятся над этими шахтами, их девять тысяч... Давайте мы изменим закон 185-ФЗ.

Я же помню, в 2000 году Вы приняли решение, Вы выделили миллиард на всю Россию, только 1 миллиард на снос ветхого жилья, а в этом году один Кузбасс получил 2 миллиарда 900 миллионов на снос жилья. И Вы помните, когда Вы заходили к этому мальчику Виталию Маслову, помните, в ветхом аварийном бараче, когда чуть лестница не свалилась под нами? Он до сих пор Вам приветы передает, мы переселили их. И с 2000-го по 2012-й мы получили 20 миллиардов, переселили 30 тысяч семей, а в этом году снесем еще 600 барачков, переселим 2100 семей. Я к чему? Сейчас закон существует несуразный. Многоквартирные ты можешь вносить в аварийные, а вот где дома расположены на сейсмике, на подработанных грунтах, там, где они валяются, но они одноэтажные, там нельзя. Если мы примем и подкорректируем этот закон, тогда частники закрывают предприятия, тратят свои деньги, а мы – государство и область – вкладываем по этому закону в переселение этого жилья.

Уважаемый Владимир Владимирович!

Спасибо за все, что Вы делаете в угольной отрасли. Еще раз спасибо за престиж шахтерского горного труда (Вас не было, я об этом говорил). Спасибо за нашего Героя Труда – Мельника Владимира Ивановича. Это поднятие в целом духа шахтерского, особенно в преддверии нашего праздника.

Спасибо. Доклад окончен.

В.ПУТИН: Спасибо.

Что касается жилья, расселения аварийного и ветхого жилья, это, конечно, самый острый вопрос. Самый острый социальный, был таким и остается. Вы упомянули о том, сколько денег мы раньше выделяли, совсем мало или практически в масштабах страны почти ничего не выделяли, но в общей сложности на эти цели за последние годы 169 миллиардов. И мы приняли решение, вы знаете, продлили эту программу.

Вопрос о том, что расселять в первую очередь: многоквартирные дома или индивидуальные, которые находятся на поверхностях, где выработка произведена. Конечно, хотелось бы все расселить. Можно и закон скорректировать, но мы с вами понимаем, в многоквартирном доме проживают десятки, сотни людей, а в отдельно стоящем – одна семья. Вопрос только в объеме денежных средств. Давайте подумаем. Но тогда вы на местном уровне должны будете принять решение.

Вы сказали, 2 миллиарда вы получили. В условиях бюджетных ограничений этого года, мы знаем, что на 20 процентов цены упали на уголь. На самом деле, говорят, еще больше. У металлургической промышленности проблемы, и так далее. Слава богу, пока не втянулись в ситуацию 2008 года, но общемировая конъюнктура сложная, и от этого сложности и с бюджетом.

Тем не менее мы продолжаем важнейшие социальные программы, такие, например, как расселение аварийного жилья. Если вы считаете, что для вас важнее, допустим, расселять вот эти индивидуальные жилые строения, давайте сделаем так. Но просто будем исходить из реалий, не будем себя обманывать и людей – вы вот эти средства получите, вряд ли больше. Но если вы на региональном уровне решите, что для вас важнее заняться расселением именно этой категории, давайте сделаем это. Давайте подумаем, вместе решим. Можно внести изменения в действующий закон, чтобы он разрешал это делать, я не против.

Пожалуйста, кто еще хотел бы? Пожалуйста, Олег Владимирович.

О.ДЕРИПАСКА: Хотелось бы, конечно, от потребителей угля выступить.

Мы в группе добываем почти 50 миллионов тонн, в основном все идет на внутренний рынок. Я бы здесь хотел на несколько вопросов обратить внимание.

В свое время, когда Игорь Иванович разбирался с нефтяной темой, он пригласил трейдеров, поговорил с различными поставщиками. Мне кажется, что ситуация на внешнем рынке гораздо сложнее. И, может быть, не будет этого отскока через год, через два, а мы сейчас создадим такие мощности на экспорт, задействуем много ресурсов, а фактически конкурентоспособны будут только те месторождения, которые были здесь представлены – Эльгинское, Забайкальская группа месторождений. Конечно, хотелось посмотреть. Если мы создадим сверхконкурентные условия за счет других отраслей, мы получим следующую проблему: будет падать энергопотребление. То, что называлось, что в Сибири сложилась ситуация, при которой цена уже упала на 22 процента на РСВ – рынок на сутки вперед.

Это как раз связано с тем, что когда-то Вы поддержали проект Богучанской станции. Игорь Иванович его помог нам реализовать. На сегодняшний день у нас избыток электроэнергии, а потребление не растет. На мой взгляд, здесь очень важно обратить внимание, что фактически создано зонирование: есть центральная зона, которая может работать долгосрочно только на внутренний рынок. И есть зоны периферийные, которые ближе к рынкам сбыта, они могут работать на экспорт.

И, соответственно, если мы будем перекраивать всю тарифную экономику, то мы фактически «убьем» потребителя. Уголь же не самостоятельная продукция, он является средством для производства другой продукции. Если мы сейчас в Сибири поднимем цену на электроэнергию выше, чем определенный предел, оставшиеся производства тоже могут закрыться. Поэтому очень бы хотелось посмотреть. Тем более не так много стран, с кем нужно провести переговоры: Индонезия и Австралия. Они же тоже не должны производить себе в убыток. И, на мой взгляд, эти международные переговоры могут нам точнее сказать, каким будет реальный баланс, а не «розовые ожидания». И мы это уже увидели на алюминиевом рынке.

В.ПУТИН: Давайте попробуем.

О.ДЕРИПАСКА: Еще вопрос. Вы в свое время нам когда-то помогли с Экибастузом. В свое время Экибастуз очень много сделал для экономики Урала, потому что поставлял дешевый, доступный уголь. Когда были прекрасные экспортные цены, внутренние цены, к сожалению, были высоки. Сейчас я посмотрел, не очень корректные данные были представлены, потому что до сих пор снижения внутренних цен не произошло, они до сих пор держатся на достаточно высоком уровне, что, на мой взгляд, необъективно отражает динамику внешнего рынка. Поэтому очень бы не хотелось, чтобы сейчас на закание ушел Экибастуз, потому что это очень важный субъект всего энергетического баланса.

Спасибо.

В.ПУТИН: Спасибо.

Пожалуйста, коллеги.

В.КАШИН: Уважаемый Владимир Владимирович! Уважаемые коллеги!

Меня лично насторожил в докладе Министра главный тезис, что мы от социального вектора переходим на производственный вектор. Мне думается, что ситуация в отраслях добычи каменного угля, да и вообще в добывающих отраслях, изначально требует приоритета социального базиса рядом с производственным.

В докладе Министр абсолютно верно излагал ситуацию, связанную и с условиями труда, и с безопасностью труда, и с заработной платой. И многие другие вещи из доклада свидетельствовали об этом, я уже не говорю, что, открывая совещание, Владимир Владимирович, Вы на это внимание обратили, и здесь выступления Ивана Ивановича и других как раз свидетельствовали об этом. Но изначально все-таки этот тезис звучал, и мне думается, его надо скорректировать, исходя из того, что приоритетной остается все-таки социальная сфера, исходя из всего того сложного комплекса, в котором мы работаем в этих добывающих отраслях.

Второе. Внутренний рынок. Так случилось, что каждый из присутствующих здесь много работал на производстве, не одну построил городскую и квартальную котельную, и поселковую. И конечно, мы помним время, когда мы работали на угле, как переходили на мазут и как радовались, когда городские котельные переводили на газ и так далее. Не хочу эту тему развивать. Хочу лишь сказать, что мы сами себя поставили в неправильную ситуацию. Да, там, где действительно это производство рядом. Но чтобы здесь не было перекоса, чтобы мы не потащили в Центральную Россию и в другие части России, где уже сложилась в этом плане серьезная работа и в экологическом, и в экономическом плане.

Я помню, что задача первого секретаря или председателя исполкома была с утра: в 6 утра встаешь и вот эти 30-40 вагонов угля разгружать, который смерзся и так далее. Поэтому на крупные, может быть, какие-то предприятия – это да. Но возвращаться к тому, что мы уже проходили, я думаю, излишне.

И еще один вопрос, Владимир Владимирович, он также больной, безусловно. Это, конечно, предложение на следующем заседании все-таки рассмотреть динамику тарифов в ТЭКе, которые использует наша обрабатывающая промышленность, агропромышленный комплекс и жилищно-коммунальное хозяйство. Все-таки огромное количество людей сегодня волнует эта ситуация. И нам думается, следует обсудить это и все-таки принять меры,

оптимизировать ситуацию для того, чтобы были также прозрачны и понятны эти тарифы, которые сегодня очень здорово осложняют жизнь рядового гражданина.

Спасибо.

В.ПУТИН: Что касается ЖКХ и что касается использования угля в этой сфере, да и в некоторых других, с целью расширения потребления внутри страны, то так никто делать и не собирается. Здесь Вы, безусловно, правы. Да в приказном порядке это и невозможно в современных условиях. Я думаю, что никто из представителей угольной отрасли на это и не рассчитывает. Вопрос только в том, чтобы это было комфортно, интересно с экономической точки зрения. Вот чего надо добиваться, вот о чем я говорю. Это касается использования в экономике, это касается использования крупными генерирующими мощностями, крупными потребителями.

Здесь есть о чем говорить, мы это знаем, это касается сферы, которая связана с транспортировкой, с новыми или новейшими технологиями, их все больше и больше становятся в мире. Они пока дорогие, они пока трудно конкурируют с газовой генерацией, но просто об этом нужно думать, над этим нужно работать. Спасибо большое.

Уважаемые коллеги! Я думаю, что вопрос, который мы сегодня обсуждали, не нуждается в дополнительной рекламе. Эта отрасль – важнейшая, и не только потому, что здесь работают тысячи и тысячи людей; она важнейшая для энергетики в целом.

Владимир Иванович [Якунин] вступил в спор с угольщиками, но как бы там что ни говорили, а объём загрузки железнодорожного транспорта за счёт угольной отрасли играет существенную роль и в жизни самой железной дороги.

Поэтому эта отрасль не только традиционная для нашей страны, она и перспективная, важная для экономики Российской Федерации, и она будет долгие годы сохраняться, мы должны думать о том, как её развивать, как обеспечить рабочие места, как сделать её более прибыльной и более конкурентоспособной.

Многие страны, причём промышленно развитые страны, пытаются сейчас вновь наладить производство угля. Вы знаете такую экономику, как экономика Федеративной Республики [Германия], они отказываются от атомной энергетики и сейчас задумались о том, как использовать угольную генерацию.

Мы имеем все возможности посмотреть на то, как развивается ситуация у наших соседей, всё проанализировать, взвесить и принять своевременные и правильные решения.

Я уверен, что работая так, как сегодня, работая консолидировано, иногда можно и поспорить, разумеется, но задача у нас одна с вами – найти эти решения и их реализовать.

Спасибо вам большое.

В.ПУТИН: Вы упомянули о Дне шахтера, он как раз вчера был, и я от души поздравляю всех шахтеров, горняков с профессиональным праздником. Желаю успехов, счастья и новых достижений, а они у нас есть в отрасли, Министр об этом сказал, и факты об этом говорят.

Действительно, у нас объём добычи, это правда, самый большой за весь новейший период, да, наверное, и в советское время; по уровню производительности мы уже продвинулись достаточно далеко по сравнению даже с советским временем.

Идёт обновление производства, и кадры новые приходят. Мы, конечно, будем обсуждать и дальше все эти вопросы и проблемные точки, их еще очень много в отрасли. Но праздник есть праздник, я всех поздравляю, желаю успехов.

Это очень важная, нужная для страны работа, и, без всякого преувеличения, она не только связана с большими трудовыми затратами – связана ещё и с большим риском, к сожалению. И люди, которые в эту отрасль приходят и посвящают ей свою жизнь, заслуживают особого внимания и особого уважения.

С праздником! Желаю вам всего самого доброго.